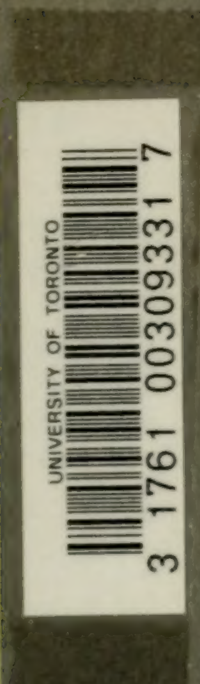
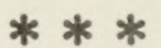

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00309331 7

MALEN' KIIA TRAGEDIIA
PUSHKINA.

D. S. Darskii

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Д. ДАРСКІЙ.

МАЛЕНЬКІЯ ТРАГЕДІИ ПУШКИНА.

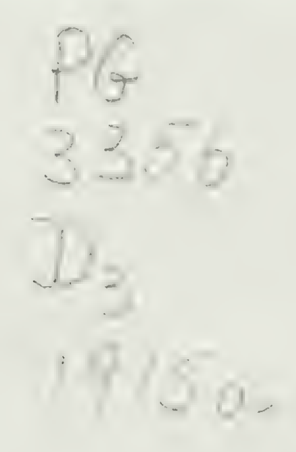
1915.

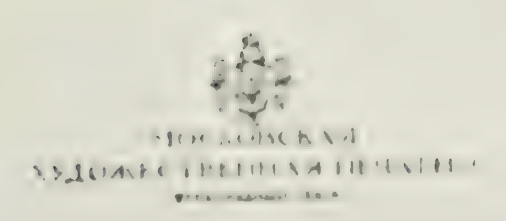

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„ЧУДЕСНЫЕ ВЫМЫСЛЫ“. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. Ц. 1 р. 50 к.

„РАДОСТЬ ЗЕМЛИ“. Изслѣдованіе лирики Фета. *(Печатается.)*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

На переломѣ жизни, въ зенитѣ возмужалыхъ лѣтъ, когда затихли всѣ бурныя стремленія молодости, вступая въ ясность трудоваго полдня, Пушкинъ какъ-будто дѣлаетъ попытку, оглянувшись назадъ, дать очеркъ своего духовнаго развитія. Среди его посмертныхъ стихотвореній есть отрывокъ, всегда загадочно всѣхъ поражавшій, въ которомъ можно видѣть начало задуманнаго повѣствованья. Въ символической формѣ, у Пушкина такъ непривычной, онъ говоритъ объ искушеніяхъ, которыя смущали юный умъ. Въ ту пору, когда такъ новы всѣ впечатлѣнья бытія, поэтъ уводитъ насъ въ какую-то невѣдомую школу, гдѣ выростаетъ рѣзвая семья дѣтей. Наставницей, надзоръ хранившей строго, была смиренная, одѣтая убого, но видомъ величавая жена. Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ бесѣдуетъ она съ безпечными дѣтьми. Ея чело покрыто строгимъ покрываломъ и очи у нея свѣтлыя, какъ небеса, но дитя-поэтъ, уже познавшій иныя смутныя влеченія, вникалъ въ ея бесѣды мало.

«Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святыни словеса.
    Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
    Я про себя превратно толковалъ
    Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.
И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.
    Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
    Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
    И праздномыслить было мнѣ отрада».

Въ таинственномъ сумракѣ рощъ непослушному ребенку являются мраморныя видѣнья языческихъ божествъ, изваянные бѣлые кумиры.

«Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ».

Но болѣе другихъ къ себѣ влекли волшебною красою два творенья:

«То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный».

Едва начавъ соблазнительную повѣсть, Пушкинъ тотчасъ умолкаетъ, и намъ остается неизвѣстной исторія его нравственныхъ блужданій и борьбы.

Позднѣе его «задумчивую младость» посѣтитъ какой-то новый демонъ, чтобы на многіе годы стать его «страннымъ спутникомъ».

«Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветой
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ...»

Въ черновыхъ набросках сохранилось нѣсколько выразительныхъ стиховъ, которые были отброшены при окончательной отдѣлкѣ. Въ нихъ Пушкинъ объясняетъ то неизъяснимое очарованье, какимъ его околдовалъ «злобный геній». Передъ поэтомъ стояла еще не разъясненной волнующая загадка: огромный и чарующій міръ. Подобно Ленскому (другая половина души Пушкина) надъ ней онъ голову ломалъ и чудеса подозрѣвалъ. И вотъ рѣзкій, охлажденный умъ лукаваго ее брался разъяснить.

«Онъ обѣщалъ...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло».

Рѣчи искусителя нашли потаенный доступъ къ еще неомраченной душѣ поэта. Жизнелюбивый и наивный Пушкинъ, какъ завороженный, внимаетъ язвительному спору, постигая тайную прелесть въ самомъ развѣнчаніи всѣхъ прелестей.

«Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...

Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ»...

Незримыя посѣщенія все болѣе пріобрѣтали власть надъ неустановившейся душою Пушкина.

«Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни далея *бѣдный кладъ;*
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ».

Наконецъ, умный духъ восторжествовалъ.

«Мнѣ было грустно, тяжко, больно...
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ».

Впослѣдствіи Пушкинъ самъ разъяснилъ, что надо понимать въ его «Демонѣ». Онъ—олицетворенное сомнѣніе.

«Въ лучшее время жизни—сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-помалу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но непродолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гете называетъ вѣчнаго врага человѣчества духомъ отрицающимъ»...

Отрывки изъ писемъ показываютъ, насколько глубоко впиталось навѣянное отрицанье. Такъ въ одномъ изъ нихъ Пушкинъ сообщаетъ, что онъ беретъ «уроки чистаго аоеизма»: «система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная».

Въ гораздо болѣе страшномъ образѣ высказываетъ Пушкинъ свое міросозерцаніе въ другомъ письмѣ къ князю Вяземскому по поводу смерти его трехлѣтняго сына.

«Судьба не перестаетъ съ тобой проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо, что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? не ты, не я, никто».

Міродержавная сила въ обликѣ сорвавшейся съ цѣпи обезьяны — можетъ ли пойти дальше система аѳеизма?

Главнѣйшимъ слѣдствіемъ разочарованія было охлажденье сердца къ забавамъ свѣта, тягостная лѣнь, преждевременная старость души, та скука жизни, о которой Пушкинъ самъ писалъ, что «скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа». Подъ вліяніемъ одолѣвающаго чувства онъ создаетъ «Сцену изъ Фауста», въ которой скука изъ временнаго состоянья возводится въ міровую сущность.

«Мнѣ скучно, бѣсъ.

Что дѣлать, Фаустъ!
Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ,
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ».

Нетрудно догадаться, кто былъ второй — женообразный, сладострастный демонъ. Это, напротивъ, всѣ хмельныя желанья минутной младости, которыя внушали такую легкокрылую философію. Игры Вакха и Киприды, сладкое бездѣлье, розы наслажденья, прелестницы, утомленье пылкой страстью и отдыхъ за чашею — вотъ та рѣзвая мудрость, которая прельстила юнаго эпикурейца. Презрѣвъ Платоновы химеры, скучая нравоученьями угрюмыхъ мудрецовъ, апостолъ Анакреона проповѣдуетъ иную святость. Какъ привидѣнье скоротечный вѣкъ человѣка,—такъ будь послушенъ мгновенью, питомецъ лѣни, лови разсѣянное счастье, въ нѣгѣ и винѣ топи вѣтреную младость; а тамъ, когда приблизится блѣдная смерть, спокойно усни на груди смѣющейся любовницы.

Съ теченіемъ лѣтъ этотъ бѣдовый искуситель, не демонъ, а бѣсенокъ, уступилъ свое господство могущественнѣйшему властителю думъ. То былъ Дельфійскій идолъ—идеалъ мощи, власти и человѣческой гордыни. Героизмъ, какъ его понимаетъ

западный міръ, какъ апоѳеозъ одинокой, самовластной личности, повелителя презрѣнной толпы и мятежника противъ Промысла царитъ надъ сердцемъ. Личныя преслѣдованія и невзгоды, которымъ подвергся въ ту пору Пушкинъ, поддерживали въ немъ протестующее, самолюбивое настроенье. Два великихъ современника влекутъ его къ себѣ «разочарованной красой». Одинъ — Великій Кумиръ, властитель осужденный, изгнанникъ вселенной — Наполеонъ. Жаднымъ взоромъ созерцаетъ поэтъ надменнаго героя. Кто онъ, этотъ мужъ земныхъ судебъ, который плѣнился самовластьемъ, презрѣлъ человѣчество и до упоенья утолилъ среди рабовъ жажду власти? Въ твердыхъ и торжественныхъ стихахъ изображаетъ Пушкинъ видѣнье западнаго властелина. Владыка Сѣвера безмолвно бодрствуетъ одинъ въ своемъ чертогѣ. Возвеличенный побѣдой, онъ самъ дивится совершенному дѣлу и произноситъ рѣчь, въ которой прославляетъ поправшее свободу самодержавье.

«Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ, и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи...
Раздался бой полночи—
И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.
То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.
Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго по манію царей.
Нѣтъ! Чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ:
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ».

Однако, несмотря на видимое поклоненіе, неразрѣшимое раздумье не покидаетъ поэта. Какъ понять героя? Кто онъ: чудный мужъ или хладный кровопійца, другъ ли небу или только тиранъ?

«Зачѣмъ ты посланъ былъ, и кто тебя послалъ?
Чего—добра иль зла—ты чудный былъ свершитель,
Земли чудесный посѣтитель?»

Тревожное сомнѣнье, которому пока нѣтъ отвѣта. Въ дальнѣйшемъ оно изъ частнаго вопроса превратится въ центральную проблему многихъ лѣтъ. Въ чемъ признаки великаго человѣка? Какъ отличить достовѣрнаго героя отъ самозванца? Какъ изобличить обманщика? Сущность вопроса не въ отвлеченномъ интересѣ, но въ неотложной нравственной нуждѣ. При первомъ приступѣ Пушкинъ шатается умомъ, не можетъ установиться, переходя отъ восхищенья къ отрицанью самаго существованья великаго человѣка.

«Его теперешній конекъ—вѣчный миръ аббата Сенъ-Пьера—пишетъ брату Е.Н. Орлова.—Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ, и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильнымъ характеромъ и страстями, съ предпріимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь нарушителями общественнаго спокойствія».

Но къ этому времени другой «пламенный Демонъ» его мучительно чаруетъ, какъ море могучій, глубокій и мрачный, какъ море, ничѣмъ неукротимый. Это поэтъ гордости—Байронъ. По собственному признанію, Пушкинъ отъ него съ ума сходилъ. Онъ весь былъ подъ обаяніемъ поэзіи мрачной, богатырской, сильной, и самъ пробуетъ дать отраженье излюбленнаго образа. Возникаетъ рядъ байроническихъ характеровъ—смѣшенье гордости и отрицанья. «Отступникъ свѣта» — Кавказскій плѣнникъ, «грозный ханъ», «повелитель горделивый» Бахчисарайскаго фонтана, «гордый человѣкъ»—Алеко. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увлеченье слабѣетъ, Пушкинъ независимѣе смотритъ на своего героя, наступаетъ время внутренняго освобожденья.

«Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ поэтически онъ описалъ и создалъ единый характеръ (именно свой); все... отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному».

Эта замѣтка написана нѣсколькими годами позже, но недовѣріе къ байроническому лицу зарождается почти одно-

временно съ увлеченіемъ. Тогда же Пушкинъ опредѣляетъ новую задачу: разсѣять чары, совлечь плѣнительность, взглянуть самостоятельно и ясно.

«Разоблачивъ плѣнительный кумиръ
Я вижу призракъ безобразный»...:

вотъ затерянные въ черновикахъ стихи, которые вскрываютъ тайну новаго отношенья къ очаровавшему герою. Блуждавшій умъ выходитъ на прямую дорогу.

«Кавказскій плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ».

Въ какомъ смыслѣ сладилъ? Не только въ смыслѣ художественнаго воплощенія, но и нравственнаго преодолѣнья. Титаническій идеалъ оказывается превзойденнымъ. Иные духовные просвѣты открываются поэту. Исконная природа, свѣтлая и всеобъемлющая, стремится возобладать. Съ прояснѣвшею душою Пушкинъ творитъ судъ надъ своимъ кумиромъ.

«Отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ Кавказскаго плѣнника. Но признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца». Такъ отзывается Пушкинъ о своемъ героѣ. Но несмотря на сердечную близость къ нему поэта, его характеръ далекъ отъ идеализаціи. Напротивъ, сумрачному, съ омертвѣлою и себялюбивою душою плѣннику Пушкинъ противоставилъ самоотверженную любовь черкешенки.

Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» точно такъ же грозный и дикій деспотъ смиряется предъ христіанскимъ идеаломъ чистоты и вѣры.

«И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню скромную скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство».

Однако въ обѣихъ поэмахъ блѣдные намеки на то, что съ полной ясностью высказывается въ «Цыганахъ».

«Цыганы» вполнѣ зрѣлое произведеніе, въ которомъ впервые развѣнчивается прежній идолъ. Противополагается

все тотъ же гордецъ, своевольный отщепенецъ общества и вольнолюбивая семья дикарей, святая своимъ естественнымъ, начертаннымъ въ сердцахъ закономъ. Алеко—одинъ изъ племени самовластныхъ индивидуалистовъ. Возненавидѣвъ неволю цивилизаціи съ ея господствомъ предразсудковъ, съ цѣпями рабства, какія общество накладываетъ на мысль и чувство человѣка, онъ возсталъ противъ всего, что казалось ему стѣснительнымъ. Въ Алеко есть жажда безбрежной, ничему неподвластной свободы. Среди людей онъ испыталъ толпы гоненье, его преслѣдуетъ законъ. Непокорный и отверженный, онъ бросился въ добровольное изгнанье, прочь отъ людей, въ природу. Въ просторѣ степи онъ присталъ къ бродячей стаѣ кочевниковъ.

«Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни».

Цыганы Пушкина вовсе не тотъ дѣйствительный народъ, живущій въ привольѣ Бессарабіи. Гораздо болѣе, они—романтическая греза о золотомъ вѣкѣ человѣчества, мечта Руссо о первобытной невинности,—пластическое воплощенье дикой воли.

«Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной».

Передъ нами не обыкновенный нищій таборъ, а идеальная, религіозно-анархическая община. При всей внѣшней нестройности она подчинена устойчивому внутреннему строю, при всей видимой беззаконности въ ней есть единый незыблемый законъ. Однако тотъ законъ не есть какое-либо человѣческое измышленіе. Въ прелестной дѣтской пѣсенкѣ—наивный пересказъ галилейской мудрости—Пушкинъ даетъ невысказанный идеалъ беззаботной вольницы. Эта безпечность и радостность Богомъ хранимой и Богу послушной птички. Подобно

Божьей птичкѣ эти бездомные бродяги безсловесно и безумно, но всецѣло, до послѣдняго вздоха чувствуютъ себя въ рукѣ Своего Отца. Они не нуждаются ни въ какомъ внѣшнемъ, всегда насильственномъ порядкѣ, потому что въ себѣ и въ каждомъ безсознательно они чтутъ Всепроникающую Волю. Въ нихъ нѣтъ сознанія себя, какъ личности самочинной и противостоящей Богу. Они не вѣрятъ, чтобы отъ человѣка могло исходить что-то самовольное, не предустановленное свыше. Каждымъ дыханіемъ, каждымъ движеніемъ сердца они только исполняютъ волю Пославшаго ихъ. Они живутъ какъ птицы, какъ полевыя лиліи, повинуясь послѣдовательности роста и цвѣтенія, инстинкту перелета, невольнымъ перемѣнамъ сердца. Отсюда въ нихъ глубочайшее довѣріе къ своей природѣ, къ ея естественнымъ побужденіямъ, ко всему внезапному и безпрекословному, что бы изъ нея ни вырвалось. Въ ихъ страстныхъ порывахъ есть вся невинность младенческаго народа, еще не вышедшаго изъ первоначальной гармоніи. Въ ихъ скудной и нестройной вольности есть послѣдняя свобода безотвѣтственнаго духа, предавшагося не своей, но Отчей Волѣ. Въ такой податливости предъ высшимъ руководствомъ есть нѣчто женственное, поэтому зыбкую цыганскую сущность Пушкинъ воплотилъ главнымъ образомъ въ женскихъ типахъ. Маріула, Земфира даже до смерти вѣрны единственной заповѣди любить. Въ ихъ любви есть роковая непреложность законовъ природы и все непостоянство вѣчно волнующихся стихій. Передъ наитіемъ женскихъ влеченій человѣческая воля безсильна.

«Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ, ужъ перешла въ другое
И то недолго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?»

Такъ говоритъ старый цыганъ, которому поэтъ предоставилъ быть выразителемъ сверхличной правды своего народа и который самъ былъ страдальцемъ мгновенной прихоти ми-

лой Маріулы. И еще разъ онъ подтвердитъ нравственное оправданіе безгрѣшной страсти:

«Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь».

Вотъ къ этой общинѣ божьихъ дѣтей напрасно силится примкнуть Алеко. Онъ не таковъ. Бѣжавъ отъ рабства городовъ, онъ однако занесъ въ нетронутую среду неистребимый грѣхъ культурнаго человѣка: индивидуалистическій принципъ. Въ противоположность родовымъ инстинктамъ бѣдныхъ сыновъ природы Алеко силенъ горделивымъ сознаніемъ «моихъ правъ». Его попытка пріобщиться къ смиренной вольности степныхъ скитальцевъ кончилась злодѣйствомъ, потому что онъ не выполнилъ въ себѣ необходимаго къ тому условія религіознаго перерожденія. Соборной сплоченности и единомыслію Алеко противоставилъ свое уединенное самоутвержденіе. Проклявъ невольничество культуры, онъ самъ однако въ таборѣ цыганъ явился рабовладѣльцемъ-деспотомъ. Въ любви онъ заявляетъ себя собственникомъ и себялюбивымъ ревнивцемъ. Вдохновенье дикой страсти онъ хочетъ замѣнить законностью и обязательствомъ. Онъ не мирится съ непроизвольною случайностью въ любви, но стихію пытается закрѣпить человѣчески установленнымъ единобрачіемъ. Въ еще неясныхъ очертаніяхъ впервые выступаетъ образъ непокорца, не Божьей птички, но супостата. Для робкихъ беззащитныхъ цыганъ онъ золъ и страшенъ.

Однако только ли чистымъ поборникомъ правъ является Алеко? Нѣтъ ли въ немъ другихъ импульсовъ, подпольныхъ, несознательныхъ? Завоеватель воли для себя, Алеко остается внутреннимъ рабомъ. Не признавая надъ собою невѣдомаго управленія, онъ подчиненъ ночному духу злыхъ страстей.

«Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измѣученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирѣли?
Оии проснутся: погоди».

Въ сценѣ сна Алеко съ великолѣпной изобрѣтательностью Пушкинъ обнажаетъ темную глубину его души. Алеко спитъ,

но сонъ его мучителенъ и ужасенъ. Какой-то духъ тѣснитъ ему дыханье и сквозь сонную хмару прорывается и хриплый стонъ и скрежетъ ярый.

Порабощенность страстямъ въ противоположность божески просвѣтленнымъ простецамъ — причина нравственнаго пораженія Алеко. Но въ заключительныхъ стихахъ Пушкинъ расширяетъ тему указаніемъ на всеобщую трагическую вину.

«И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ».

Предводитель общины, старый цыганъ произнесъ надъ Алеко свой обвинительный и всепрощающій приговоръ. Но въ эпизодѣ съ Овидіемъ выплываетъ туманный силуэтъ истиннаго властителя, которому принадлежитъ поклоненіе цыганъ. Это святой старецъ, вѣнчанный благодатью поэтъ.

«Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный».

Не гордый, злой и смѣлый человѣкъ владѣетъ сердцами кроткихъ бѣдняковъ, но такой же, какъ они, робкій и Богомъ осѣненный избранникъ. И есть истинное, въ культурномъ обществѣ неосуществимое поклоненіе герою въ той милосердной заботливости, съ какою эти непросвѣщенные дикари покоили безпомощнаго страдальца.

«Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика».

Почти одновременно съ окончаніемъ «Цыганъ» Пушкинъ работаетъ надъ созданіемъ «Бориса Годунова». Къ этому времени его душа, по его собственному признанію, «совсѣмъ развернулась», вполнѣ сложилось и окрѣпло и его міросозерцаніе. Онъ пишетъ свою трагедію «въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта». Но тихая обитель была не только его жизненнымъ пристанищемъ, — духъ сердечной мирности

и богомольной отрѣшенности, водворился въ самой душѣ поэта. Нѣкоторымъ автобіографическимъ признаніемъ, иночески-величавымъ, звучатъ его слова, оставленныя въ черновикахъ пьесы. «Приближаюсь къ тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательнымъ». Въ образовавшемся умонастроеніи душѣ поэта особенно близко не высокоумное порожденіе языческой гордыни, но смиренномудрая христіанская праведность. Такъ возникаетъ образъ Пимена.

«Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе,—писалъ самъ Пушкинъ.—Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ».

Съ высоты созданія взираетъ поэтъ на волнуемое подъ нимъ житейское море-окіянъ. Оно все то же. Все тѣ же страсти вздымаютъ бурную поверхность. Царскій престолъ—вотъ та вершина, куда стремятся дохлестнуть кипучія волны. Годуновъ и его сынъ, Лжедимитрій и Марина, а дальше Шуйскій, Воротынскій, а тамъ Басмановъ и всѣ другіе безыменные бояре и поляки—цѣлая стихія властолюбія, въ которой каждый спѣшитъ и силится стать первымъ, выше остальныхъ, господствовать и повелѣвать.

«Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны,
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно» .

Даже Пименъ... До самой старости, если онъ не сотворитъ молитвы къ ночи, то сонъ его не тихъ и не безгрѣшенъ. Все чудится ему:

...«то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ» .

Съ проникновенной зоркостью разрабатываетъ Пушкинъ проблему самозванства. Кто эти всѣ незваные честолюбцы и недоноски исторіи, похитители престола и цареубійцы какъ не притворщики и призраки, лживыя личины законнаго, отмѣченнаго высшимъ знакомъ и власть имѣющаго царя? Они не

призванные и занимаютъ не имъ принадлежащее мѣсто—въ этомъ вся ихъ казнь. Здѣсь все будущія темы Достоевскаго, его великія догадки и прорицанья. Хотя бы взять къ примѣру сонъ Григорія.

«Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой *бѣсовское мечтанье*
Тревожило, и врагъ меня мутилъ.
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно становилось—
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?»

Но вѣдь здѣсь поразительное конгеніальное прозрѣніе въ сумеречныя глуби самозванческой совѣсти. Эти сонныя обличенія грядущаго покушенья, какъ похожи они на кошмарныя пытки другого претендента на тронъ героя.

Раскольниковъ снова въ квартирѣ старушонки. Онъ вошелъ въ переднюю, дальше, въ гостиную. Въ углу за висящимъ салопомъ онъ замѣтилъ, что кто-то прячется. Онъ отвелъ рукою салопъ и увидѣлъ, на стулѣ вся скрючившись сидитъ старушонка. Тихонько высвободилъ онъ топоръ и ударилъ старуху по темени, разъ и другой. Но странно: она даже и не шевельнулась отъ ударовъ, точно деревянная. Онъ испугался, нагнулся и заглянулъ ей снизу въ лицо, заглянулъ и помертвѣлъ: «старушонка сидѣла и смѣялась,—такъ и заливалась тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, изъ всѣхъ силъ крѣпясь, чтобы онъ ея не услышалъ. Вдругъ ему показалось, что дверь изъ спальни чуть-чуть пріотворилась, и что тамъ тоже какъ будто засмѣялись и шепчутся. Бѣшенство одолѣло его: изо всей силы началъ онъ бить старуху по головѣ, но съ каждымъ ударомъ топора смѣхъ и шопотъ изъ спальни раздавались все сильнѣе и слышнѣе, а старушонка такъ вся и колыхалась отъ хохота. Онъ бросился бѣжать, но вся прихожая уже полна людей, двери на лѣстницѣ отворены настежъ, и на площадкѣ на лѣстницѣ и туда внизъ—все люди, голова съ головой, всѣ смотрятъ,—но всѣ притаились и ждутъ, молчатъ!»...

Стыдъ, самый безумный изъ всѣхъ мыслимыхъ на землѣ, стыдъ неудачнаго посягательства, стыдъ смѣхотворнаго самовозвеличенья, стыдъ сорванной маски и оголенья подъ взорами всѣхъ, подъ хохотъ презираемаго человѣчества—вотъ общій сюжетъ обоихъ прозорливцевъ.

А дальше Пушкинъ создаетъ «Полтаву», по его собственнымъ словамъ, самое зрѣлое изъ всѣхъ стихотворныхъ повѣстей, въ которомъ все почти оригинально,—и снова передъ нами все то же мрачное, ненавистное, мучительное лицо. Но краски сгущены до крайности, и прежній обаятельный образъ пріобрѣтаетъ черты чернаго злодѣя.

«Какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы,—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все».

Таковъ Мазепа для исторіи, какъ голый фактъ прошедшаго, такимъ видитъ теперь прозрѣвшій поэтъ своего давнишняго обольстителя, но не надменнаго старика и не злодѣя, но свою иллюзію, полюбила въ немъ Марія. Бѣсовскій оборотень, Мазепа околдовалъ Марію обманнымъ подобіемъ героя.

«*Своими чудными очами*
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь *ослѣпленный* взоръ...»

Для ослѣпленной дѣвы Мазепа пѣвецъ и воинъ, даже выше—природный царь, который по праву высшей одаренности воздвигнетъ тронъ. «Ты носишь власти знакъ», «ты такъ могущъ», «твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ корона царская» —вотъ радужный миражъ, застлавшій правду для Маріи, и, какъ Татьяна, она вѣритъ сердцемъ, что ея властитель посланъ Богомъ. Какое ужасное пробужденіе настанетъ для несчастной! Мазепа тоже самозванецъ, не мужъ судьбы, а интриганъ, измѣнникъ, злопамятный мститель—и только. Не великій замыселъ, не вѣра въ свое посланничество, но услов-

ность дворянской чести, но память о нанесенной обидѣ руководитъ его поступками. Въ этой чертѣ весь его характеръ скрытый, жестокій, постоянный. Для утоленья злобы онъ умерщвляетъ отца обольщенной дочери, коварный искуситель, онъ даже не задумался самое дочь поставить предъ выборомъ между супругомъ и отцемъ и, не воздвигши трона, построилъ эшафотъ.

Сквозь легкій сонъ Марія слышитъ, что кто-то къ ней вошелъ, съ улыбкой руки протянула и съ нѣгой томною шепнула: «Мазепа, ты?» Но передъ ней прокравшаяся мать.

«Отецъ... Мазепа... казнь—съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы».

Утлый мозгъ не выдержалъ противорѣчія мечты и знанія. Но въ столкновеніи низкой истины и возвышающаго обмана безумная осталась вѣрной грезѣ. Онъ есть, онъ живъ ея герой и повелитель, ясный соколъ, сказочный Иванъ-Царевичъ, но только онъ скрывается гдѣ-то за морями, а здѣсь обманщикъ, дьявольское наважденіе, старикъ-убійца!

«Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.
И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала
И скрылась въ темнотѣ ночной».

Вѣщій бредъ ясновидящей, который насъ снова возвращаетъ къ Достоевскому. Ставрогинъ приходитъ ночью для важныхъ переговоровъ къ своей негласной женѣ, слабоумной хромоножкѣ. Онъ уже замыслилъ втайнѣ ея убійство, а незадолго передъ тѣмъ онъ солгалъ мелко, ничтожно, отрекшись передъ матерью, передъ барышнями отъ брака съ нею. Этого

противорѣчія собственнаго восторга передъ своимъ княземъ и его лжи не въ силахъ совмѣстить слабый умъ полубезумной. Теперь, когда онъ къ ней вошелъ, ее охватилъ настоящій ужасъ: по лицу побѣжали судороги, она подняла, сотрясая ихъ, руки и вдругъ заплакала точь въ точь какъ испугавшійся ребенокъ; еще мгновеніе и она бы закричала. Но она пересилила себя, оправилась и рѣшилась говорить твердо и сознательно. Про себя она уже разрѣшила загадку: передъ нею не ея богъ, которому она поклонялась. Вотъ конецъ ихъ разговора. Ставрогинъ предлагаетъ ей жить съ нимъ въ Швейцаріи, въ горахъ, но та отказывается. «Даже и со мной?» — переспрашиваетъ Ставрогинъ.

«А вы что такое, чтобы я съ вами ѣхала? Сорокъ лѣтъ сряду съ нимъ на горѣ сиди—ишь подъѣхалъ. Нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы соколъ филиномъ сталъ. Не таковъ мой князь!»—гордо и торжественно подняла она голову.

Его будто осѣнило:

— Съ чего вы меня княземъ зовете и... за кого принимаете?—быстро спросилъ онъ.

— Какъ? Развѣ вы не князь?

— Никогда имъ и не былъ.

— Такъ вы сами, сами, такъ-таки прямо въ лицо признаетесь, что вы не князь!

— Говорю, никогда не былъ.

— Господи! всплеснула она руками,—всего отъ враговъ *его* ожидала, но такой дерзости—никогда! Живъ ли онъ? вскричала она въ изступленіи, надвигаясь на Николая Всеволодовича,—убилъ ты его или нѣтъ, признавайся!

— За кого ты меня принимаешь? вскочилъ онъ съ мѣста съ исказившимся лицомъ; но ее уже было трудно испугать, она торжествовала:

— А кто тебя знаетъ, кто ты таковъ и откуда ты выскочилъ! Только сердце мое, сердце чуяло всѣ пять лѣтъ всю интригу! А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слѣпая подъѣхала?

Она хохотала ему въ лицо.

— Похожъ-то ты очень похожъ, можетъ и родственникъ ему будешь. Только мой—ясный соколъ и князь, а ты—сычъ и купчишка. Мой-то и Богу, захочетъ, поклонится, а захочетъ и нѣтъ, а тебя Шатушка (милый онъ, родимый, голубчикъ мой), по щекамъ отхлесталъ. Не постыдился бы соколъ мой

меня никогда предъ свѣтской барышней! О, Господи! Да я уже тѣмъ только была счастлива, всѣ пять лѣтъ, что соколъ мой гдѣ-то тамъ за горами, живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ... Говори, самозванецъ, много-ли взялъ? За большія-ли деньги согласился.

— У идіотка! проскрежеталъ Николай Всеволодовичъ, крѣпко держа ее за руку.

— Прочь, самозванецъ! повелительно вскричала она,— я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

— Ножа!

— Да, ножа! У тебя ножъ въ карманѣ. Ты думалъ, я спала, а я видѣла: ты какъ вошелъ давеча, ножъ вынималъ!

— Что ты сказала, несчастная, какіе сны тебѣ снятся! возопилъ онъ и изо всей силы оттолкнулъ ее отъ себя. Онъ бросился бѣжать; но она тотчасъ же вскочила за нимъ, хромая и прискакивая, въ догонку и уже съ крыльца успѣла ему еще прокричать, съ визгомъ и съ хохотомъ, во слѣдъ, въ темноту:

— Гришка От-репь-евъ а-на-ѳе-ма!

«Евгеній Онѣгинъ» переноситъ искушенье демона въ бытовую среду. Уѣздной барышнѣ, мечтательницѣ, самой загадочной, какъ сказка, вдругъ на яву является чудесное видѣнье ея сновъ, и въ тотъ же мигъ Татьяна предалась ему.

«Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердце я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя.
Вся жизь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!»

Евгеній для бѣдной Тани внезапное воплощенье святой мечты, однако не всѣ колебанія въ ней стихли и пока еще неразрѣшимое недоумѣніе ее мучитъ.

Кто ты: *мой ангелъ ли хранитель,*
Или коварный искуситель?

Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное...»

Какъ видимъ, это все тотъ же, давнишній вопросъ, волнующій и самого поэта: по какимъ признакамъ отличить истиннаго героя?

Зачѣмъ ты посланъ былъ и кто тебя послалъ?
Чего—добра иль зла—ты чудный былъ свершитель,
Земли чудесной посѣтитель?»

До времени не подозрѣвая обмана, Татьяна попрежнему воображаетъ «моднаго тирана» неземнымъ существомъ, какимъ-то гнѣвнымъ херувимомъ.

«.... передъ ней
Блистая взарами, Евгеній
Стоитъ подобно грозной тѣни»...

Но вотъ въ отвѣтъ на ея беззавѣтную мольбу, на которую *не можетъ* не отозваться посланникъ неба, она слышитъ учтивую и бездушную проповѣдь, въ которой съ ужасной наготой обнажилось нищее сердце Онѣгина, и хотя она едва дыша, безъ возраженій слушаетъ его, но въ глубинѣ, но въ безсознательности въ ней происходитъ непоправимый переломъ. Незрячій умъ еще не знаетъ, что пошатнулся горделивый идолъ, еще болѣе горитъ безотрадной страстью молодая дѣва, но темнымъ предчувствіемъ, но священнымъ бредомъ, безошибочно и безотчетно, подобно безумной хромоножкѣ, Татьяна наполовину уже разгадала мучительнаго сфинкса. Ей тоже снятся сны. Она прирожденная сновидица. Въ сновидѣньи ей впервые предсталъ чудный незнакомецъ, въ прозрѣньи бреда она разоблачила свой плѣнительный кумиръ. Въ пророческомъ снѣ Татьяна видитъ былого ангела-хранителя предводителемъ бѣсовской банды, хозяиномъ чудовищъ-нечисти, и что еще страшнѣе,—убійцей брата.

«Споръ громче, громче: вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились, нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...»

«Какія сны тебѣ снятся, несчастная!»—могъ бы возопить вслѣдъ за Ставрогинымъ Онѣгинъ. Но ей снится правда и вправду убиваетъ Евгеній друга.

Въ этомъ есть какое-то роковое предопредѣленіе. Они всѣ убійцы: Алеко, Мазепа, Онѣгинъ, а дальше баронъ, Сальери, Германъ; какой-то хладный духъ смерти вѣетъ отъ нихъ, и сами они среди яркой, трепещущей жизни кажутся какими-то выходцами съ того свѣта, лживымъ порожденіемъ дурного сна. Онѣгинъ убиваетъ Ленскаго изъ пустяковъ, изъ свѣтскаго понятія о чести, изъ-за злорѣчія Зарѣцкаго. Всеотрицающій демонъ на словахъ, онъ испугался сплетенъ трактирнаго трибуна и цѣлитъ въ названнаго брата.

«Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...

Какой-то страшной пустотой, нездѣшней мукой томится Мазепа,—неистребимое воспоминанье грызетъ въ тишинѣ сердце Онѣгина. Когда-то вѣнчанные герои въ глазахъ влюбленныхъ женщинъ, на самомъ дѣлѣ, они только преступные себялюбцы.

Татьяна яснѣе понимаетъ того, по комъ она вздыхать осуждена судьбою властной. Загадка разрѣшена и слово найдено.

«Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? *Ужели подражанье,*
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?»

«Евгеній Онѣгинъ» былъ оконченъ въ пору совершенной зрѣлости Пушкина. Это былъ моментъ, когда жизнь его достигла высшей точки дня. Онъ уже прошелъ черезъ періодъ былого титанизма и нравственныхъ исканій и теперь стоялъ на поворотѣ. Послѣ бурной молодости поэтъ готовился вступить въ новую жизнь, нашедшую равновѣсіе, успокоенную,

мудрую. Новый идеалъ смиренія, затишья, простоты смѣнилъ прошлыя увлеченія всѣмъ грандіознымъ, бунтующимъ, необычайнымъ. Обращаясь къ прошедшему, Пушкинъ самъ сопоставляетъ двѣ различныхъ жизненныхъ полосы.

«Какія бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли, иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья..
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.
Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка,
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь—хозяйка
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой».

Смиренный, будничный пейзажъ, идеалъ семейственности, тихіе, незамѣтные, будничные люди. Теперь привлекаютъ непосредственность, несложныя натуры, простосердечіе и доброта. Вмѣсто восхищенія героическимъ Байрономъ, Наполеономъ любовная внимательность къ станціонному смотрителю, капитаншѣ Мироновой, къ Бѣлкину. Исполняется давнишнее намѣреніе изображать не муки тайныя злодѣйства, но просто пересказать

«Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины».

Духовному преобразованію соотвѣтствовала видимая перемѣна. Пушкинъ рѣшилъ остепениться, начать семейную жизнь. Чтобы принадлежать своей женѣ всецѣло, онъ хочетъ покончить со всѣми воспоминаніями безумныхъ лѣтъ. Такъ онъ пишетъ до боли грустное «Разставаніе», въ которомъ посылаетъ прощанье сердца дальней подругѣ, теперь одѣтой для него могильнымъ сумракомъ. Но прежде чѣмъ принять въ душу «свою Мадонну», надо было изгнать оттуда бунтующихъ въ ней бѣсовъ. Наступила послѣдняя борьба Бога и дьявола въ душѣ человѣка, та самая страшная битва, въ которой демоны напрягли всю власть и обаянье. Разговаривая однажды о философскомъ значеніи библейскаго и байроновскаго духа тьмы, искусителя, Пушкинъ на замѣчаніе Александра Тургенева возразилъ живо и серьезно: «суть въ нашей душѣ, въ нашей совѣсти и въ обаяніи зла. Это обаяніе было бы необъяснимо, если бы зло не было одарено прекрасной и пріятной внѣшностью. Я вѣрю Библіи во всемъ, что касается Сатаны: въ стихахъ о Падшемъ Духѣ, прекрасномъ и коварномъ, заключается великая философская истина». Пушкинъ говорилъ о пережитомъ на опытѣ. Разъ за разомъ онъ наноситъ демонамъ нравственное пораженіе, срывая обольстительныя маски и обнажая внутреннее уродство, но каждый разъ они вставали еще привлекательнѣе, еще неотразимѣе. Поэтъ вызываетъ наиболѣе соблазнительныхъ бѣсовъ, чтобы тѣмъ окончательнѣе съ ними справиться. Одинъ за другимъ онъ перебираетъ семь смертныхъ грѣховъ, воздвигая на каждомъ ослѣпительные ужасною прелестью образы. Вѣдь надо же согласиться, что въ томъ, какъ представлены у Пушкина тѣ или другіе пороки, нѣтъ ничего отвратительнаго, напротивъ, они вознесены на трагическую высоту и обладаютъ для насъ всею прелестью прекраснаго Духа Тьмы. Они даже праведники, эти дѣти сатаны,—у нихъ есть твердая, хотя своя особенная добродѣтель, и требовалась чрезвычайная трезвость сознанія, чтобы развѣнчать прельстительный обманъ. Въ такомъ пониманіи силы зла Пушкинъ слѣдуетъ христіанскому ученію о грядущемъ Искусителѣ. Онъ придетъ, человѣческій врагъ, и соблазнитъ слабодушныхъ строгою жизнью и видимостью аскетическихъ подвиговъ. Предваряя послѣднее искушеніе, Пушкинъ выкликаетъ своихъ предтечей Антихриста.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Своего перваго соблазнителя Пушкинъ выбралъ въ образѣ скупого. Въ томъ есть глубокая идея. Въ психологіи скупца всего яснѣе различимы скрытые пороки индивидуализма. Съ лѣтами духъ Пушкина становится все болѣе міробъемлющимъ. Окончательно установились ему присущія качества: отзывчивость эха, радость безграничнаго постиженія, щедрость полнаго и любящаго сердца. Въ свѣтѣ новаго сознанія какимъ встаетъ дотолѣ чаровавшій индивидуализмъ? Замкнутость и отчужденность, потребность выдѣлиться, а не раствориться, потребность себя поставить, какъ первенствующаго, какъ средоточіе вселенной—всѣ эти стремленія эгоцентризма изжиты поэтомъ навсегда. Въ угрюмой наклонности все поглощать и въ себѣ накапливать, ничѣмъ не отвѣчая міру, теперь поэту видится душевная черствость и скаредность. Неправо возвеличенный эгоистъ, въ дѣйствительности, холодный скряга. Въ противоположность солнечному, всеодаряющему духу себялюбивый гордецъ—герой мрачнаго подполья. Поэтическій замыселъ приводитъ въ подвалы рыцаря.

Въ критической литературѣ достаточно выяснено, что побуждало Пушкина брать образы въ западноевропейской жизни. Здѣсь была та естественная среда, въ которой возникъ и развился индивидуализмъ, и какъ явленіе и какъ принципъ. Въ центрѣ европейской исторіи и мысли стоитъ человѣкъ съ могучими страстями и своенравной волей. Напротивъ, въ русскихъ условіяхъ ничто не допускало расцвѣта самодовлѣющей личности. Такимъ образомъ, разъ требовалось создать образъ одинокаго героя, то въ подлинномъ ли видѣ или въ русскомъ отраженіи, но приходилось его заимствовать на Западѣ. Задача національнаго генія сводилась къ тому, чтобы дать собственное

освѣщеніе сложившагося типа, выработать самобытное къ нему отношеніе, произнести свой приговоръ и въ противоположность ему утвердить свой народный идеалъ. Такъ начинается борьба съ Западомъ въ русской литературѣ, которая тянется черезъ все столѣтіе, до нашего времени еще не сказавши послѣдняго слова. Наиболѣе яркой примѣтой геніальности Пушкина является то, что у него проблема личная совпала съ національной.

Титаническій образъ барона выступаетъ въ его монологѣ, въ этомъ чудѣ поэтической мысли и языка. Въ изумительномъ предвидѣніи и съ единственнымъ совершенствомъ выраженія, въ которомъ упругая сжатость и сила рѣчи достигла абсолютной необходимости формы, Пушкинъ до самыхъ корней обнажаетъ психологію послѣдовательнаго эгоцентризма, до послѣднихъ, до того еще неслыханныхъ выводовъ договариваетъ будущую западную философію и вызываетъ то грандіозное видѣніе, которому впослѣдствіи суждено было стать величайшимъ соблазномъ вѣка. Предугадывая неизбѣжное движеніе атеистической мысли и предупреждая открытія Достоевскаго и Нитцше Пушкинъ первый въ своихъ точно высѣченныхъ на скрижаляхъ изрѣченіяхъ даетъ теорію сверхчеловѣчества. Никто другой, какъ онъ впервые назвалъ и аттрибутъ грядущаго человѣкобога: волю къ власти, по Достоевскому—своеволіе. Надо же, наконецъ, признать все философское величіе въ замыслѣ «Скупого рыцаря». Необходимо было пройти столѣтію, необходимо было Достоевскому выносить свои головокружительныя прорицанія, чтобы въ прозрачномъ Пушкинѣ была измѣрена его непостижимая глубина. Какъ трудно по зерну опредѣлить растеніе, такъ нужно было, чтобы изъ Пушкина выросла вся послѣдующая литература, чтобы стало ясно, что въ немъ заключалось. Вѣдь не въ психологическомъ же очеркѣ скупости идея пьесы, но въ созданіи величайшаго образа, но въ пророчествѣ наступающаго искушенія. Скупость у барона не имѣетъ самодовлѣющаго значенія, и какъ служебное средство, подчинена господствующей страсти: волѣ къ могуществу.

Какой представляется эта страсть людской молвѣ, умамъ поверхностнымъ и равнодушнымъ. Въ ихъ бѣгломъ сужденіи есть то, что можно высказать лишь мимоходомъ и на первый взглядъ. Проникнуть глубже имъ и нелюбопытно и непосильно. А на первый взглядъ видитъ общій глазъ въ баронѣ презрѣннаго кащея, прорѣху на человѣчествѣ, въ его героическомъ

стремленія постыдную скаредность—и только. Даже хищная жадность жида кажется достойнѣе. Тотъ видитъ въ деньгахъ, если не слугъ, то надежныхъ друзей. «А мой отецъ—берется обсуждать, что выше его ума, турнирный удалецъ, Альберъ

«Не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ.
И какъ же служитъ? Какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной. Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ, да лаетъ».

Такъ тонетъ въ пошлости толпы угрюмый подвигъ аскета-рыцаря. Но сцена мѣняется. Предъ нами ночь, подвалъ. Подъ сводами, въ потемкахъ слышенъ голосъ барона. Что же бормочетъ спустившійся къ сокровищамъ могильщикъ золота? Онъ вспоминаетъ о своихъ дневныхъ чувствахъ тамъ, наверху, о старческомъ томленьи ожиданья. Эти чувства сплотились около единой неподвижной мысли, а мысль застыла вокругъ сундуковъ. Первое же сравненіе съ жгучимъ нетерпѣньемъ любовника говоритъ о могущественной и ревнивой страсти. Но въ противоположность знойному желанію повѣсы страсть скупого безплотна и платонична. Злой старикъ, баронъ необузданный мечтатель, рыцарь бѣдный молчаливыхъ грезъ, одинъ изъ той породы подвижниковъ, которые живутъ для безраздѣльной мысли, для исполненія даннаго обѣта. Не жадное насыщеніе обычной чувственности даетъ смыслъ ихъ существованію, но взятый крестъ, но торжество идеи, но преданность мечтѣ. Человѣческая природа въ нихъ обречена на муки самоистязанья, на медленную дисциплину фанатика, на противоестественное перерожденіе въ цѣляхъ идеала. Въ нихъ господствуетъ деспотическая воля, которая сама на службѣ царственной мечты.

Съ чувствомъ преодоленныхъ преградъ вызываетъ въ памяти прошлое баронъ.

«Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило?»

Баронъ страстотерпецъ и святой, но его святость какому Богу она угодна?

А далѣе мы слышимъ о трудѣ медлительныхъ стяжаній. Глухая, непрерывная, по мелочамъ, по горсти бѣдной, его дѣятельность не хочетъ знать ничего не разсчитаннаго, дающагося даромъ. Въ ней нѣтъ кипучаго задора, готовности размахнуться и рискнуть. Вѣдь рискъ основанъ на вѣрѣ въ счастливый случай, въ удачу, въ которой человѣкъ невластенъ. Но баронъ не мальчикъ и не игрокъ, который «гремитъ костьми, да груды загребаетъ». Не на дары судьбы у него расчетъ, но на добычу, захваченную цѣпко. Управляетъ единственну воля, трезвая, воздержная, надменно полагающаяся на одна себя. Чему же она служитъ? Въ великолѣпномъ уподобленіи боронъ выговариваетъ самую тихую идею, свой безсонный замыселъ: быть властелиномъ. Баронъ произноситъ верховное слово антихристіанской культуры. Возвеличенный, обожествленный человѣкъ, единственный—вотъ кто стоитъ на вершинѣ атеистической морали. Въ ней есть открытый вызовъ Богу вселенной, въ ней отпаденіе отъ общаго начала, побѣда центробѣжной силы и зачинанье собственнаго, уединеннаго пути. Не Богъ, а демонъ—вотъ въ чье имя совершается подвигъ. Баронъ встаетъ какъ вѣчный супостатъ Міродержавнаго Правителя.

«...Какъ *нѣкій демонъ*,
Отселѣ править міромъ я могу».

Подъ маской скупости не разглядѣли сатаны. Князь міра, въ деньгахъ баронъ принялъ всемогущую мірскую силу и подчинилъ ее своей волѣ и ею основалъ свою державу. Скупость? Но въ скупости тусклая привязанность къ мертвой вещи и ничего больше, а здѣсь безбрежное воображеніе, горизонты, способность наслаждаться умозрѣньемъ, способность грезить на яву и вызывать видѣнья. Не тупость, не омертвѣніе души, но воодушевленіе, но подъемъ.

«Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою,
И музы дань мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли».

Но тутъ вспоминаются слова Фіеско изъ трагедіи Шиллера: «величественно—достигнуть царства, но отказаться отъ него—божественно». Нуждается ли рыцарь въ реальномъ осуществленіи того, что такъ ярко носится и что онъ осязаетъ въ мечтахъ? Здравый смыслъ теряется, пораженный нелѣпою, безплодной страстью. Но зачѣмъ осуществленіе барону? Воля къ власти рыцаря чиста и безпримѣсна. Она не искажается никакимъ общелюдскимъ вожделѣніемъ. Въ огнѣ идеи перегорѣло все летучее, чувственное, присущее «дрожащей твари». Все болѣе открывается мысль барона: перестать быть человѣкомъ, быть выше всѣхъ желаній, войти въ новый, еще неиспытанный строй духа, основать высшую породу существа. Жить не въ побужденьяхъ чувствъ, а только самодержавной волей. Господство не только внѣшнее, но и внутри, въ себѣ самомъ. Желанье связываетъ. Въ той мѣрѣ неполно могущество, въ какой существуетъ зависимость отъ міра. Отсюда цѣль: умерщвленье всѣхъ хотѣній, отсутствіе всѣхъ связей, отрѣшенность. Величайшее безстрастіе чрезмѣрно развитого мозга, которое, чуждаясь, реальныхъ исполненій, находитъ удовлетворенье въ призракахъ.

Но для утоленья изначальной воли къ власти баронъ также не хочетъ дѣйствительнаго обладанья. Какъ и въ другихъ случаяхъ, лучшимъ толкователемъ Пушкина является Достоевскій. Вотъ какъ развиваетъ идею скупого подобный ему фантазеръ—Подростокъ.

«Мнѣ не нужно денегъ, или лучше, мнѣ не деньги нужны, даже и не могущество; мнѣ нужно лишь то, что пріобрѣтается могуществомъ и чего никакъ нельзя пріобрѣсти безъ могущества: это уединенное и спокойное сознаніе силы! Вотъ самое полное опредѣленіе свободы, надъ которымъ такъ бьется міръ! Свобода! Я начерталъ, наконецъ, это великое слово... Да, уединенное сознаніе силы обаятельно и прекрасно. У меня сила и я спокоенъ. Громы въ рукахъ Юпитера и что же: онъ спокоенъ; часто ли слышно, что онъ загремитъ? Дураку покажется, что онъ спитъ. А посади на мѣсто Юпитера какого-нибудь литератора, или дуру деревенскую бабу—грому-то, грому-то, что будетъ!»

Итакъ, единственно свобода существа достигшаго, недѣятельнаго, равнодушнаго, нашедшаго покой. Высочайшій горный пикъ человѣческаго духа. Предѣлъ гордыни. Чистая,

абстрактная идея воли къ власти, не затемненная никакимъ эмпирическимъ содержаніемъ. Дельфійскій идолъ.

«Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, *полонъ гордости ужасной,*
И весь дышалъ онъ силой неземной».

И дальше. Возведенный золотомъ на вершину всемогущества, баронъ почувствовалъ, какая страшная владычествующая сила въ деньгахъ.

«Сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, лишеній и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!»

Но тамъ, въ людскихъ низинахъ, гдѣ царитъ жалкая нужда, грошевыя желанія, животные инстинкты осквернены и деньги въ ихъ мѣновой силѣ. Нейтральныя сами по себѣ, всѣ качества онѣ пріемлютъ отъ своего владѣльца. Пусть же отнимется у недостойныхъ могущество, которымъ пользуются убого, мелко бездарные торгаши! Человѣкъ съ переплавленной душою, баронъ дастъ новое употребленіе деньгамъ. Въ его рукахъ преображается ихъ ходовая сущность, онѣ очистились отъ пота, слезъ и крови, и вознесены, и прославлены, какъ свѣтоносные слуги мощнаго Царя. Въ гигантскихъ вмѣстилищахъ накоплена міровая энергія, какъ двигатель въ рукахъ человѣкобога. Съ торжественностью освященія баронъ погребаетъ въ мирныхъ сундукахъ заблудшія сокровища.

«Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..»

Баронъ до конца высказалъ свой замыселъ: быть Богомъ, всесильнымъ, нежелающимъ, безмолвнымъ.

Новый идеалъ влечетъ переоцѣнку человѣческихъ понятій о добрѣ. Съ новой точки зрѣнія позволено все злое, грѣховное, преступное: безжалостная суровость сердца, готовность принять на совѣсть злодѣянье, способность безтрепетно повелѣвать. Еще необличенный самозванецъ, баронъ совершаетъ величайшее изъ посягательствъ: назваться прирожденнымъ героемъ, «мощнымъ властелиномъ Судьбы». Онъ присваиваетъ

нравственность героевъ: Петра Великаго, Александра, Наполеона. Тѣ люди изъ бронзы строятъ столицу на костяхъ тысячъ, тратятъ арміи въ Египтѣ, забываютъ въ поляхъ Россіи, и нѣтъ въ нихъ укора, даже простой памяти о погибшихъ. Въ нихъ есть сознаніе великаго, которому они служатъ, и они въ силахъ разрѣшить себѣ то, предъ чѣмъ задрожитъ малодушный. Къ этой расѣ деспотовъ хочетъ принадлежать баронъ. Подобно имъ онъ пріобрѣлъ страшный даръ перешагнуть и не смутиться. Онъ усвоилъ ученье, которое впослѣдствіи Нитцше назвалъ моралью господъ. Въ теоріи барона добро не въ счастьи многихъ, но въ величіи одного. Чернь обречена быть пьедесталомъ героя. Тутъ только другой нравственный принципъ, но разъ признавъ его, баронъ дѣйствуетъ, какъ человѣкъ моральной воли: въ немъ есть и твердость, и вѣрность, и долгъ. Не чудовищная страсть имъ управляетъ, а категорическій императивъ. Мягкосердечіе было бъ для него и паденіемъ, и въ его дѣйствіяхъ должны мы видѣть не кровопійцу-ростовщика, не изверга, но мужа и царя.

«Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ, и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки».

Дублонъ вдовы долженъ достаться Царю. Ему вольетъ онъ лишнюю каплю силы, изъятый изъ людского употребленья, онъ перестанетъ служить страстямъ и нуждамъ и пріобрѣтетъ благородство орудія героя.

Но здѣсь проходитъ глубокая черта, которая отдѣляетъ рыцаря отъ прирожденныхъ властелиновъ. Баронъ не настоящій, не призванный, какъ тѣ, и право повелителя ему досталось не посланіемъ судьбы, а добыто долгимъ и мучительнымъ усиліемъ. Не только укрощать порывы страсти и умерщвлять природу принуждала его идея, но также преодолѣть внѣдрившіяся понятія о добрѣ и злѣ. Съ трудомъ и болью можно было искоренить исконныя вѣрованія. Сроднившись съ сердцемъ чело-

вѣка, они не хотѣли уходить и только насильемъ ихъ можно было вырвать. Темный мученикъ, баронъ и это испытанье принялъ. Безмѣрно преданный мечтанью, онъ вынесъ всѣ терзанья старой совѣсти, прошелъ безстрашно, какъ подобаетъ рыцарю, сквозь лѣсъ чудовищъ и мертвецовъ. Онъ своего достигъ: онъ вынулъ трепетное сердце и убилъ принципъ. Все человѣческое было истреблено. Остался только трупъ истерзаннаго. Но не голосъ Бога его подниметъ, и не Его волею исполнится ожившій. Пророкъ своеволія, баронъ возстанетъ во имя самого себя.

Здѣсь Пушкинъ обнаружилъ несравненную мощь великаго психолога. Онъ придалъ барону завершительную черту, вложивъ въ него жуткія ощущенія убійцы. Въ томъ есть глубочайшій смыслъ. Пусть на дѣлѣ его руки отъ крови чисты, однако въ мысли и въ воображеньи онъ испыталъ всѣ извращенные соблазны злодѣянья. Запреты крови баронъ преступилъ не въ отвлеченной теоріи и только, брезгливый или робкій въ дѣйствіи исполнить въ умѣ лишь выношенное убѣжденіе— нѣтъ, но стѣсненьемъ сердца, но трепетомъ и жаромъ онъ пережилъ страшную пріятность убійства и тѣмъ всецѣло его принялъ на совѣсть.

Еще одна послѣдняя черта. Ею Пушкинъ достигаетъ поразительнаго свѣтового эффекта. Зловѣщимъ заревомъ зажглось лицо барона. Убійца и скупецъ, онъ поэтъ обладанья. Не просто знать о своемъ всесиліи, но созерцать въ фантазіи, но любоваться волшебными зрѣлищами—вотъ его блаженство. Пиръ глазъ и воображенія! Въ лучистомъ блескѣ желтыхъ грудъ какимъ колоссальнымъ образомъ выростаетъ гордый демонъ!

Блаженство хочетъ вѣчности. Но какое безсмертіе возможно для отступника-барона? Одно ему дано: жить въ потомствѣ и черезъ потомковъ въ дѣлѣ. Знать передъ смертью, что вѣковѣчно воздвигнутое царство, что возродится его духъ въ наслѣдникѣ, въ ему подобномъ затворникѣ, въ трезвомъ и безчеловѣчномъ скупцѣ. Такъ рождается царская мысль— вопросъ о замѣстителѣ—и вмѣстѣ съ нею послѣднее страданіе. Не утрата власти мучительна, но качество наслѣдника. Баронъ не видитъ въ сынѣ достойнаго преемника. Онъ не въ отца— «безумецъ, расточитель молодой, развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ». Вспоминается сходное опредѣленіе Сальери: «безумецъ, гуляка праздный». Необходимо вдуматься въ

смыслъ этой брани. Люди личной воли, сознательныхъ стремленій, они оба не признаютъ нечаянныхъ подарковъ свыше—безпричинныхъ успѣховъ, незаработанныхъ удачъ. Для нихъ не существуетъ Неисповѣдимой Воли, извѣчно предопредѣляющей долю каждаго, передъ которой они смиренно бы склонились. Надменные, они хотятъ установить свои самочинные законы и знаютъ лишь право заслуги и собственнаго пріобрѣтенія. И потому нѣтъ безумнѣе ненависти, чѣмъ та, какую навлекаютъ любимцы случая, бездѣльники-счастливцы, которые со смѣхомъ расточаютъ, что было скоплено другимъ цѣною кроваваго пота. Такъ, ни за что упавшее наслѣдство для барона возмутительное присвоенье, воровство.

«*Укравъ* ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ...»

«А по какому праву?»—вотъ дерзновенный окрикъ, который дѣти сатаны бросаютъ къ небу. Ярость и буря поднимается противъ произвола Правителя.

Но существуетъ злѣйшая обида, нежели несправедливый капризъ судьбы: оскорбленіе святыни. Могучую духовную державу создалъ изъ золота баронъ. Въ его рукахъ оно послушно служитъ величайшему. Аристократическій идеалъ морали осуществленъ. Если бъ только знать, что не умретъ дѣло жизни, продолженное наслѣдникомъ. Но видитъ рыцарь, что колеблется и скоро рухнетъ достигнутая высота, и снова деньги погрязнутъ въ трясинѣ пошлости, и снова мощно лишь царство черни. Непобѣдимость хама, крушеніе великой мысли и торжество ничтожества—вотъ пытка, которой нѣтъ нестерпимѣе.

«Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ *священные сосуды*,
Онъ грязь *елеемъ царскимъ* напоитъ,—
Онъ расточитъ...»

И тогда снова возвращается мысль о безсмертіи, но уже мысль искривленная, нелѣпая, страшная.

«О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! О, если бъ изъ могилы

Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..»

«Ты царь—живи одинъ». Всею совокупностью своего опыта, идеала, привычныхъ чувствъ баронъ былъ опредѣленъ жить внѣ человѣчества. Мертвецъ при жизни, не могъ онъ раздѣлять ребяческой суеты вседневности. Забившійся паукъ, рѣдко выбѣгалъ онъ изъ своего угла, чтобъ только высосать попавшуюся жертву. Единственный, въ себѣ самомъ замкнулъ онъ цѣлую вселенную. Богъ всемогущій и нежелающій, незримо уединился онъ въ сознаньи силы и покоя. Такимъ онъ долженъ былъ остаться до конца. Въ немъ должна быть цѣльность несокрушимаго духа, твердость мраморнаго кумира и недосягаемость толпѣ. Но размаху не соотвѣтствовалъ характеръ. Баронъ не былъ цѣльнымъ, потому что былъ ненастоящій. Сомнительная двойственность едва замѣтной трещиной прошла черезъ этотъ монолитъ. Въ своихъ высокопарныхъ дерзаніяхъ онъ не былъ весь, совмѣщая наравнѣ со всѣми житейскія противоположности. Скупой—баронъ не переставалъ быть рыцаремъ. Затворившись на пустынныхъ высотахъ, онъ въ то же время оставался среди людей, не выходя изъ сложной сѣти феодальныхъ отношеній. Державный Царь у себя въ подземельи, онъ былъ лишь однимъ изъ многихъ вассаловъ наверху, у герцога. Ничему непослушный, онъ счастливъ явиться по приказанію государя, готовъ кряхтя влѣзть на коня и обнажить рукой дрожащей мечъ, и безъ сомнѣнія, ему польстилъ отзывъ герцога о немъ, какъ о вѣрномъ, храбромъ рыцарѣ. Зависимость проникаетъ еще глубже. Подчиненность барона рыцарскому міру не только внѣшняя: раздѣляя всѣ его понятія, баронъ принадлежитъ къ нему и по духу также. Сломивъ законы совѣсти, онъ не въ состояніи отдѣлаться отъ предразсудковъ касты. Всѣ связи порвалъ онъ съ міромъ, но общество, но всѣ предъявляютъ къ нему свои права, и этихъ правъ баронъ не можетъ сбросить. Ясно опредѣлилась идея пьесы. Она въ конфликтѣ между подпольемъ и дворцомъ въ душѣ рыцаря. Тамъ въ погребахъ былъ апоѳеозъ барона. Теперь обнаруженье смертныхъ слабостей. Виновникомъ случился его сынъ. Онъ счастливецъ: не сѣетъ, не собираетъ въ житницы, ломаетъ только копья, да рискуетъ даровою грудью, а между тѣмъ успѣлъ найти сплоченныхъ заступниковъ, съ которыми барону не совладать. За него все общество, герцогъ,

высшая судьба, но главное, что самъ баронъ не можетъ отрицать своихъ обязанностей къ нему. Посягательство есть, явное и наглое, но почему же баронъ не встанетъ за себя и не отвергнетъ беззаконныхъ притязаній? Почему только одинъ булатный мечъ въ силахъ защитить богатство, а царское слово молчитъ? Недавно, въ подвалѣ онъ у Бога домогался доказательства права, а тутъ, предъ герцогомъ, теряется, невнятно лепечетъ что-то. Приходится пускаться въ хитрости, въ увертки. Начинается рядъ изворотовъ, постыдныхъ сдѣлокъ съ честью. Чтобы спасти сокровища, баронъ идетъ на ложь, на клевету. Хотѣлось бы возможно меньше избыть позорную необходимость, но недомолвокъ мало, надо выговаривать слова сполна. Темными навѣтами герцогъ не довольствуется и вынуждаетъ къ прямымъ обвиненьямъ. А ихъ нѣтъ, неопровержимыхъ обвиненій. По существу баронъ въ нихъ правъ: вѣдь точно сынъ его по совѣсти отцеубійца и вправду жаждетъ его смерти и зарится на отцовское наслѣдство. Но сегодня все противъ барона: его убѣжденье необоснованное, смутное, составленное изъ подозрѣній и предчувствій, справедливо только для него одного, а формально у него нѣтъ ни доводовъ, ни подтвержденій. А въ сложившихся обстоятельствахъ важна сторона формальная. И когда баронъ получаетъ злѣйшее оскорбленіе, онъ не въ состояніи ни опровергнуть его, ни назвать формальною неправдой, а въ то же время вся рыцарская кровь закипаетъ бунтомъ. Настала проба царственному призванію рыцаря, проба первоначальная, простѣйшая. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, онъ себя покажетъ не мячикомъ предразсужденій, не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ, но мужемъ съ честью и умомъ. Простительно дурачиться въ осьмнадцать лѣтъ, но не ему, задорному молодцу, вывести изъ гордаго покоя презрѣвшаго міръ мудреца. Онъ знаетъ свою правоту, съ него довольно сего сознанія, а тамъ пусть въ дѣтской рѣзвости щетинится тигренокъ. Царь, озирающій моря и долы, неужели станетъ мѣриться съ гулякой-сыномъ? Это была минута крайней опасности, когда на вѣсахъ колебались царственность и рыцарство барона. Перетянуло рыцарство.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!..
Ты могъ отцу такое слово молвить!..
Я лгу? и передъ нашимъ Государемъ!..
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я!..

Всесвѣтный повелитель связался съ мальчикомъ, ведетъ себя, какъ всѣ, и договорить-ли слово?—покойный герцогъ оказался пророкомъ и его другъ черезъ двадцать лѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ «глупъ передъ этимъ малымъ». Сначала смутился, задумалъ вывернуться ложью, а уличенный, вспылилъ, обрушился нелѣпо на подростка и бросилъ вызовъ.

Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забовныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...
И вотъ общественное мнѣнье!
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

А дальше еще позорнѣе: «нѣкій демонъ» прибѣгаетъ къ защитѣ Бога. Его допросчикъ призываетъ въ покровители Его правоту: такъ подыми же, Боже правый! А еще дальше—неудача брошенной перчатки, старческая немощь и, наконецъ, оно, неслыханное униженье отъ мальчика:

Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ...

Все покрывается послѣднимъ воплемъ оголившейся страсти: ключи, ключи мои!

Но что же было передъ нами въ погребахъ? Ослѣпительное наважденье, безмѣрно раздраженный умъ, безплодное кипѣнье въ пустотѣ?

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ?...

Подражанье великому, старикъ-обманщикъ, одна изъ масокъ міровой пародіи. Вмѣсто торжествующаго Люцифера жалкій финалъ человѣческой трагикомедіи.

3*

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

«Моцартъ и Сальери» прямое продолженіе «Скупого рыцаря». Трагическое препятствіе, которое тамъ явилось, какъ нѣчто непредвидѣнное, въ постепенномъ развитіи пьесы, становится здѣсь центральной идеей, устанавливающей весь ходъ дѣйствія. Повторяется то же столкновеніе стремящейся, гордой воли и неисповѣдимаго предопредѣленія, дѣйствующаго вопреки всѣмъ расчетамъ человѣческаго ума. Въ своемъ демоническомъ замыслѣ баронъ вдругъ встрѣчаетъ непобѣдимаго противника, со смѣхомъ разрушающаго все дѣло его жизни. Такъ рождается трагическая проблема, о которую разбился баронъ: а по какому праву даромъ надѣляетъ небо празднаго счастливца тѣмъ высочайшимъ благомъ, которое должно быть естественнымъ результатомъ добросовѣстнаго труда? Бунтъ, которымъ кончаетъ баронъ, вновь поднимаетъ Сальери.

Со времени Бѣлинскаго въ критической литературѣ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ утвердился извѣстный взглядъ на трагедію, въ которой хотятъ видѣть параллельное изображеніе двухъ типовъ художниковъ. «Идея трагедіи—вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія»—такъ пишетъ самъ Бѣлинскій. Однако сущность трагедіи заключается не въ простомъ противоположеніи двухъ различныхъ характеровъ, но въ ихъ непримиримомъ внутреннемъ противорѣчіи и неизбѣжной катастрофѣ. Поэтому различіе между тѣми, кого Бѣлинскій назвалъ геніемъ и талантомъ, не только въ степени дарованія: количественная неравномѣрность не есть качественная противоположность. Предъ нами не двѣ однородныхъ натуры—только съ неодинаковой одаренностью, но двѣ взаимно-исключающія духовныя сущности, два антипода. Предъ

нами поэтъ и смертный, какъ понималъ того и другого самъ Пушкинъ.

Два признака отличаютъ, по убѣжденію Пушкина, генія: непроизвольность и боговдохновенность. Поэтъ—божественный посланникъ, избранникъ неба, ничтожное дитя міра во всемъ другомъ, но существо сверчеловѣчески - перерожденное въ моментъ призыва.

Творческій подъемъ это одержимость, наитье высшихъ силъ, въ которыхъ человѣкъ невластенъ. Напрасно было бы по волѣ вызывать и «звуки и смятенье» .Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, а не по желанью человѣка. Самъ Пушкинъ даетъ намъ описаніе двухъ глубоко разнородныхъ процессовъ. Одинъ, когда поэтъ намѣренно пытается творить. Въ результатѣ жалкая неудача и безсилье.

Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу; глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ...

Но вотъ другое уже «благодатное расположеніе духа», то сладостное забвеніе, въ которое погружается поэтъ, когда онъ чувствуетъ приближеніе бога.

Но гаснетъ краткій день—и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я предъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ.
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.

Непроизвольное, сошедшее откуда-то вдохновенье вмѣстѣ съ тѣмъ безцѣльно и не подлежитъ никакимъ разумнымъ объясненіямъ.

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.

Осѣненный благодатью, поэтъ съ высоты взираетъ на жизнь. Подъ именемъ пророка поэтъ у Пушкина даже перестаетъ быть человѣкомъ, надѣленный чудесными способностями космическаго всепознанія.

Въ трагедіи подобнымъ является Моцартъ. Свѣтлый и бездумный, онъ весь во власти сверхчеловѣческаго насилія. Онъ обладаемый безумецъ, безсознательно воспринимающій невѣдомыя внушенія. Въ немъ нѣтъ ничего преднамѣреннаго, никакого принужденья надъ собою. Безпечный и привѣтливый, онъ живетъ мгновеньемъ; большой ребенокъ, играетъ на полу съ мальчишкой-сыномъ; дружелюбный и смѣшливый, спѣшитъ развеселить товарища нежданной шуткой, а между тѣмъ, само собою, невзначай къ нему приходитъ кое-что, двѣ-три мысли, отъ которыхъ плачетъ потрясенный врагъ. А для него онѣ бездѣлица, и вотъ ужъ онъ забылъ про нихъ и новую нашелъ забаву—развлекаться трактирной музыкой слѣпого бѣдняка. Какъ нѣкій херувимъ, заноситъ онъ на землю райскіе напѣвы, а самъ не знаетъ, откуда въ немъ они,—и что же возразить ему на укоръ суроваго Сальери: «ты Моцартъ недостоинъ самъ себя»? Онъ богъ, и самъ того не знаетъ, и шутитъ, что божество его проголодалось. Свой даръ принялъ онъ смиренно, какъ незаслуженную благодать, и не испытываетъ неисповѣдимыхъ путей Бога. Наивно мирится онъ съ несогласимой двойственностью поэзіи и жизни, и, далекій отъ мысли дерзкимъ

вмѣшательствомъ что-либо измѣнить, спокойно соглашается, что ихъ немного избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ. Онъ понимаетъ, что геній всегда останется рѣдкой и безцѣнной роскошью, что онъ нуждается, какъ въ своей опорѣ и подножіи, въ толпѣ, что иначе бы не могъ и міръ существовать. Такъ онъ оправдываетъ Творца, и его міровоззрѣніе является простодушною теодицеей: правъ судьбы законъ.

Но не таковъ Сальери.

Какъ въ другомъ случаѣ съ Клеопатрой, такъ и теперь въ основу изображенія Сальери Пушкинъ положилъ случайно сообщенный анекдотъ.

«Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, и знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью.—Сальери умеръ лѣтъ восемь тому назадъ. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца».

Голое извѣстіе о фактѣ, въ которомъ передается видимая всѣми сторона. А видятъ всѣ въ Сальери лишь бѣшенаго завистника, одинаково способнаго и освистать генія и отравить. Но изумительно, какъ тянетъ казалось бы такого лучезарнаго Пушкина ко всему загадочному, запрещенному, зловѣщему, въ самое подполье омраченной души, какъ близки его душѣ даже преступныя страсти. И вмѣстѣ съ тѣмъ съ какою проницательностью умѣетъ онъ разглядѣть подъ банальной внѣшностью величественныя побужденія и муки души высокой.

Въ противоположность избраннику Моцарту Сальери неудачникъ, пасынокъ природы, и его судьба—трагедія безсильнаго самозванства.

Въ драмѣ Ибсена, которая въ подлинникѣ буквально называется: «Дерево, изъ котораго вырѣзываются короли», ведутъ борьбу за тронъ истинный помазанникъ Гоконъ и его незаконный соперникъ Ярлъ Скуле. Повторяется взаимоотношеніе, какое существуетъ между Моцартомъ и Сальери. То обстоятельство, что тамъ дѣйствуютъ вожди и герои, а здѣсь поэты, положенія не мѣняетъ: вѣдь герой это поэтъ дѣйствія, а поэтъ—герой созерцанія. Но въ драмѣ Ибсена

есть еще одно лицо: епископъ Николасъ. Онъ также неудачникъ. Собственная его попытка завладѣть властью сорвалась. Теперь его дѣло только воздвигать королевскіе престолы. Но его мысль забирается неизмѣримо выше. Вотъ отрывокъ разговора между нимъ и Ярломъ Скуле.

Я р л ъ С к у л е. Отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ, высокочтимый владыка епископъ; но отвѣтьте по всей правдѣ. Почему Гоконъ идетъ такъ, не сбиваясь, не спотыкаясь прямо впередъ? Онъ не умнѣе васъ, не храбрѣе меня.

Е п и с к о п ъ Н и к о л а с ъ. Кто совершаетъ величайшія дѣла въ мірѣ?

Я р л ъ С к у л е. Величайшій изъ мужей.

Е п и с к о п ъ Н и к о л а с ъ. А кто величайшій?

Я р л ъ С к у л е. Самый отважный.

Е п и с к о п ъ Н и к о л а с ъ. Такъ говоритъ вождь. Священникъ сказалъ-бы—самый благочестивый; ученый сказалъ бы—самый мудрый. Но это ни тотъ, ни другой, ни третій, ярлъ. С ч а с т л и в ѣ й ш і й—вотъ величайшій. Величайшія дѣла совершаетъ счастливѣйшій, тотъ, на кого требованія времени нисходятъ сами собой, словно въ порывѣ похоти, родятъ въ немъ мысли, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, но которыя указываютъ ему пути; куда они ведутъ, онъ самъ не знаетъ, и все таки идетъ, д о л ж е н ъ итти ими, и идетъ, идетъ, пока не услышитъ радостныхъ кликовъ народа,—остановится, оглядится съ изумленіемъ и пойметъ, что совершилъ великое дѣло.

Скуле возражаетъ, что все-таки право на сторонѣ Гокона.

Е п и с к о п ъ Н и к о л а с ъ. Право на его сторонѣ, потому что онъ счастливецъ. Величайшее счастье—имѣть на своей сторонѣ право. Н о п о к а к о м у п р а в у—п р а в о н а с т о р о н ѣ Г о к о н а, а н е н а в а ш е й?

Я р л ъ С к у л е (послѣ краткой паузы). Буду молить Бога избавить меня отъ искушенія задаваться такими думами.

Сальери не умолилъ Бога и ему было суждено погибнуть отъ искушенія, съ которымъ еще не справился ни одинъ смертный. Подобно епископу, онъ обиженный и челобитчикъ. Вотъ онъ говоритъ, и съ первыхъ же словъ намъ ясно, что мы присутствуемъ при величайшей нравственной катастрофѣ. Вслушайтесь, поймите его рѣчи. Съ первыхъ звуковъ раздается голосъ сумрачный и ожесточенный, размѣренно и непреклонно, какъ непоколебимые догматы, изрекающій выводы долгихъ и

мучительныхъ думъ. Такъ говоритъ умъ трезвый и безпощадный, способный внятно договаривать самую таящуюся и губителькую мысль. Въ его словахъ мы встрѣчаемся съ безсонно-выношеннымъ и созрѣвшимъ убѣжденіемъ, оставившимъ далеко позади всякую неувѣренность и колебаніе. Здѣсь есть нѣчто безспорное и окончательное, безстрашно выступающее противъ всѣхъ опроверженій. Здѣсь несокрушимая основа, на которой зиждится разочарованное міросозерцанье, ясная, какъ простая гамма, заповѣдь религіознаго разувѣренья.

Все говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ—и выше...

Затѣмъ Сальери разсказываетъ скорбную повѣсть о томъ, что вынудило его прійти къ невѣрію. Сальери энтузіастъ, застѣнчивый мечтатель, искатель голубого цвѣтка, одинъ изъ тѣхъ, кого отмѣтила луна. Прекрасное ему было дано постичь въ самой тонкой формѣ—въ музыкѣ. Подобно бѣдному рыцарю онъ имѣлъ одно непостижимое уму видѣнье:

Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія текли...

Минуты сладкаго восторга рѣшили дальнѣйшую судьбу. Сгорѣвъ душою для всего земного, всего себя онъ посвятилъ своей Прекрасной Дамѣ. Единобожникъ музыки, Сальери сталъ подвижникомъ искусства. Надо хорошо понять его испепеляющую страсть. Возможно ль было спрашивать и какъ узнать, былъ ли онъ призванъ, и что его тревожный жаръ—смѣшной недугъ, раздраженье плѣнной мысли, иль признакъ неба, высшій даръ? Вѣдь небо не даетъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ истиннаго избранничества и приходится рѣшать вопросъ на рискъ, прислушиваться къ земнымъ и, быть можетъ, ложнымъ голосамъ.

«Ты созданъ попасть въ боги—впередъ! Крылья у души есть! Вышины она не побоится, тамъ настоящій ея элементъ! Дай свободу этимъ крыльямъ и небо твое... Будь ангеломъ» ...

Такъ призываетъ самого Пушкина въ своемъ письмѣ Жуковскій. Но не шепталъ ли тѣхъ же обѣщаній внутренній го-

лось и Сальери, обѣщаній не дерзкихъ, не самолюбивыхъ но полныхъ спокойной вѣры? Сальери имъ послушался и двинулся впередъ. Едва отъ колыбели, онъ поднялъ на себя принудительный долгъ. Онъ долженъ достичь высоты, откуда льются звуки, иначе онъ ничто, нѣтъ болѣе, неискупаемый преступникъ, предатель Святого Духа, духовный трупъ. Исторія его дѣтскихъ лѣтъ напоминаетъ житія угодниковъ, которые едва проснувшись мыслью задумываются и уединяются. Пустынникъ съ раннихъ дней, Сальери никогда не зналъ дѣтства. Онъ отъ природы постникъ и на зарѣ сознанія уже согнулся подъ тяжестью взятаго креста. Но если тѣ святыя дѣти полны смиренія и стыдливой надежды на благодатную помощь Отца, то, напротивъ, одна лишь собственная воля, незнающая иныхъ поддержекъ выступаетъ у молодого Сальери. «Упрямо и надменно», полагаясь на одного себя онъ тронулся въ путь. Могло ли быть иначе? Вѣдь Сальери ничѣмъ не одаренъ свыше, никакой не воспринялъ благодати и ничѣмъ не обязанъ небу. Своими силами онъ принужденъ добывать свой геній. Въ немъ есть только упорство, готовность все преодолѣть и одинъ повелительный голосъ: ты долженъ стать ангеломъ. Зачѣмъ? Для славы, для поклоненія людского, для утоленья честолюбія? О, нѣтъ! Сальери понялъ, что внѣ геніальности для него нѣтъ жизни. И вотъ ему надо приступать къ азбукѣ, начинать съ перваго шага, сознательнымъ усильемъ внѣдрять элементы. Ремесло поставилъ онъ подножіемъ искусству. Лишенный синтетическаго природнаго дара, онъ вынужденъ слагать единство аналитически, изъ составныхъ частей,—строить совершенство по камню, «по горсти бѣдной», доходить человѣческимъ разсудкомъ до боговдохновенныхъ таинъ, съ натугой раздувать творческое озареніе, насильно вырывать холодный звукъ. Божественный глаголъ не коснется уха Сальери. Его искусство не роскошный первобытный садъ, который выростилъ самъ Богъ, а хилые побѣги, что выгнаны въ теплицѣ. Какой контрастъ съ поэтомъ Божьей милостью!

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Взамѣнъ Божіей стихіи у Сальери наука. Поддѣльнаго гомункула изъ реторты онъ принимаетъ за выношенное въ родимой, кровной темнотѣ человѣческое дитя, успѣхи выучки — за нѣгу творчества. Пусть все такъ. Сальери обойденный, выкидышъ судьбы. Зато какая цѣломудренная преданность искусству, съ какимъ благоговѣніемъ онъ чтитъ завѣтную святыню. Сначала томительные годы искуса, но и потомъ, ставъ мастеромъ, попрежнему онъ остается мученикомъ. Взыскательный художникъ, онъ безжалостенъ къ себѣ. Безропотно приноситъ въ жертву самое дорогое, что для него есть—любимыя творенья.

Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали...

Великій страдалецъ, Сальери въ то же время вѣчный странникъ въ искусствѣ. Никогда не зналъ онъ самодовольства въ осуществленномъ, но всегда горѣнье духа, исканье новыхъ достиженій. Есть особенная чистота и возвышенность самоотверженной души въ способности Сальери снова принимать уроки ему равнаго. Ни ненавистничества, ни злобнаго соревнованья, но безкорыстная готовность усвоить въ свой составъ чужое открытье, пережить его, какъ собственное, стать апостоломъ новаго пророка. Сальери благороденъ и слишкомъ гордъ, чтобы завидовать человѣку, какъ онъ самъ. Съ какою страстностью возмущенія онъ отвергаетъ даже мысль, что онъ доступенъ зависти.

Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?

Слова, которымъ нужно вѣрить. Исключено все человѣчески-порочное и недостойное, и если все-таки зависть есть, — она иного рода. Надо только вдуматься, кому завидуетъ Сальери. Избраннику небесъ—и черезъ его голову, великій богоборецъ, онъ негодуетъ противъ Высочайшаго. Сальери счастливъ былъ, въ искусствѣ онъ возвысился до степени высокой,

наслаждался мирной славой, успѣхами друзей, позналъ наибольшее блаженство — найти въ сердцахъ созвучія своимъ созданіямъ. Ничто не говорило, что онъ заблуждается и принимаетъ сбивчивыя тропинки за торную дорогу къ небу. Была ничѣмъ не смущаемая увѣренность, что онъ созданъ попасть въ боги. Вдругъ онъ встрѣчаетъ Моцарта, и сразу же разсѣялся сладкій миражъ. Для Сальери Моцартъ внезапная и грозная проблема, сулящая только гибель. Вѣдь Моцартъ не Пиччини и не Глюкъ—простые смертные таланты, въ которыхъ Сальери согласенъ признать своихъ товарищей. Какъ нѣкоторыя животныя чуютъ близость призрака или загробной тѣни, такъ и Сальери сразу же почувствовалъ въ Моцартѣ его сверхчеловѣческую природу. Что то чужеродное, какія-то иныя, неразгаданныя силы были въ этомъ человѣкѣ. Вотъ онъ играетъ, и съ первыхъ звуковъ Сальери послышалось неслыханное, и въ мгновенье рухнула прекрасная иллюзія, и померкли и обезцѣнились труды, которыми такъ былъ гордъ онъ раньше. «Какая глубина, какая смѣлость и какая стройность!» Вдругъ прозрѣлась истина: божественная геніальность, его исконная и своевольно взятая задача, ради которой Сальери принялъ всѣ терзанья, она принадлежитъ другому, а ему выпало на долю вмѣстѣ съ безмѣрнымъ восхищеньемъ надгробный плачъ надъ невозвратимою утратой:

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я!..

Что оставалось дѣлать Сальери? Смириться, показать величайшую безкорыстность, поклониться въ Моцартѣ святому Духу, который дышитъ, гдѣ хочетъ, и обрѣсти свое призванье въ самоотверженномъ служеніи Духу въ другомъ. Сальери представлялся случай совершить подвигъ, выше котораго нѣтъ, и въ то же время вмѣстить въ себѣ то вдохновенье, которое ему такъ мучительно не давалось. Обойденный геніемъ искусства, онъ могъ и долженъ былъ добиться геніальности въ любви. Но для того требовалось побѣдить грѣшное, бунтующее я и вырвать темный корень эгоизма. Сальери этого не сдѣлалъ. Божій Духъ онъ счелъ за личную принадлежность и вмѣсто молитвеннаго самозабвенья проявилъ лишь ревность собственника. Сальери далъ въ себя вселиться злому духу и вмѣсто радостной причастности богоизбраннику онъ принялъ неугасимую муку

отвергнутаго демона. Остальное въ дѣйствіи и міросозерцаньи Сальери явилось слѣдствіемъ его первоначальной измѣны.

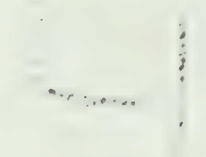
Но тутъ умѣстно вспомнить два-три примѣра изъ дѣйствительной жизни.

«Чудесный талантъ! Какіе стихи! Онъ мучитъ меня своимъ даромъ, какъ привидѣнье».

Кто это говоритъ? Сальери? Нѣтъ, благомысленнѣйшій Жуковскій о самомъ Пушкинѣ. А вотъ еще.

«На Руси много смѣшного, но я не расположенъ смѣяться. Во мнѣ веселость усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ руки. Все это служитъ пищей генію; но вотъ бѣда: я не геній. *Для чего же все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ захохотали бы всѣ черти*».

А это пишетъ другой подлинный Сальери—Боратынскій. Да, для чего все было такъ, а не иначе? Кто отвѣтилъ на вопросъ язвительнаго демона? И если Жуковскій въ духѣ своего общаго всеблагословляющаго міросозерцанія, вѣроятно, смущенно подавилъ шевельнувшееся чувство, если Боратынскій справляетъ надъ собою тризну судорожнымъ смѣхомъ, если оба они не выходятъ за предѣлы своей отдѣльной участи, то Сальери поднимаетъ частный вопросъ на высоту космической проблемы, провозглашаетъ мятежъ во имя поруганной справедливости и на убійственное рѣшеніе судьбы, бросаетъ ввысь свой возмущенный окрикъ: обида, боги

О небо!
Гдѣ же правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ—
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?..

Обычное соревнованіе соперниковъ перешло въ область религіозную и превратилось въ тяжбу обиженнаго сына съ Богомъ. Здѣсь бунтъ, здѣсь самое страшное богоотрицаніе, не умомъ, а сердцемъ, когда Бога отвергаютъ не потому, что его не знаютъ, а потому что его не хотятъ. Сальери не хочетъ несправедливаго Бога и не принимаетъ имъ установленнаго міропорядка. Искуситель епископъ оказался правъ: величайшій

есть только счастливѣйшій, въ которомъ неизвѣстныя силы словно въ порывѣ похоти родятъ мысли и творенья, которыхъ тотъ самъ не понимаетъ. Дѣла и заслуги человѣка—горящая любовь, усердье, самоотверженье—безсильны что-либо измѣнить въ извѣчномъ предопредѣленьи. Въ мірѣ господствуетъ голый произволъ, безсмыслица, или, можетъ быть, что-то еще обиднѣе. Разъ это правда, то надо до конца договаривать идею и соглашаться съ епископомъ: нѣтъ ни добра, ни зла, ни верха, ни низа, ни высокаго, ни низменнаго и всѣ такія слова необходимо забыть. Сальери стоитъ новымъ Гамлетомъ, для котораго распались скрѣпы міра, и уже созрѣлъ его послѣдній выводъ: разъ правды нѣтъ, то пусть господствуетъ моя воля. Встрѣча съ Моцартомъ была для Сальери роковою. Прежняя увѣренность въ своей природной одаренности исчезла, вмѣстѣ съ нею была разрушена и наивная вѣра въ нравственный міропорядокъ. Возврата къ старому больше не было, приходилось вступать въ неизвѣданное будущее, итти по бездорожью. Передъ Сальери стояла дилемма, трагическое или—или, и безъ колебанія онъ установилъ свой выборъ.

«Нѣтъ! не могу противиться я долѣ судьбѣ моей» —такимъ вступленіемъ онъ открываетъ новую эпоху въ своей жизни и далѣе идетъ рѣшительно по намѣченному пути, какъ шелъ всегда. Сальери вновь чувствуетъ себя избранникомъ, онъ сознаетъ, что предназначенъ выполнить верховную задачу, что нѣкоторая равноправная сила подняла его противъ Бога и его посланника. Эта сила—принципъ личной воли, идея своеначальнаго почина и собственнаго права. Человѣкъ не хочетъ быть только покорнымъ исполнителемъ безвѣстныхъ велѣній, но быть самопроизвольнымъ дѣятелемъ и обладать силой центробѣжной. Возставъ противъ насилія небесъ, Сальери знаетъ, что въ его борьбѣ съ Моцартомъ есть нѣчто большее, нежели вражда раздавленнаго честолюбія. Столкнулись два несогласимыхъ, взаимно-уничтожающихъ начала. Что же, признаетъ ли Сальери безроднаго любимца случая и примирится съ тѣмъ, что священный даръ, что безсмертный геній дается ни за что, простой причудою судьбы? Но это значило бы отречься отъ своей души, признать ничтожество святыни, которой онъ принесъ всѣ жертвы. Разъ возобладаетъ искусство Моцарта, боговдохновенное и безумное, тогда вся жизнь Сальери, его служеніе и вѣра были ничѣмъ—ошибкой или дерзкой выдумкой, а самъ онъ былъ фигляръ презрѣн-

ный, безчестившій пародіей помазанника. Нѣтъ, Сальери не таковъ, отъ правъ своихъ онъ не откажется. Повторяется мотивъ Алеко. Высокомѣрные своимъ умомъ, они не соглашаются, чтобы на страсть и вдохновенье не было закона. Остается другое: свергнуть Моцарта и утвердить свое непокорное и безбожное искусство.

Но торжество Моцарта—конецъ не только для Сальери съ его глухою славой, но что важнѣе — того рода музыки, которому былъ онъ преданъ. Что же за искусство, которое спасти чувствуетъ призваннымъ Сальери? Изъ того, какія требованія онъ предъявляетъ къ Моцарту и чего въ немъ не находитъ, мы имѣемъ возможность сдѣлать нѣкоторыя умозаключенія. Въ противовѣсъ безумцу и праздному гулякѣ, насквозь сознательный и трудолюбивый Сальери намѣревается основать искусство всецѣло на человѣческомъ усиліи, искусство преемственное, объединенное традиціей, методически подвигающееся впередъ и закрѣпляющее навсегда сдѣланное пріобрѣтеніе. Сальери помышляетъ объ особой поэтической культурѣ; о школѣ фанатичныхъ мастеровъ; о крѣпко спаянной и замкнутой кастѣ, вызывающе отвергшей мистическое происхожденіе искусства; о немногочисленной общинѣ мятежниковъ и завоевателей, дерзновенныхъ строителей вавилонской башни, ведущихъ приступъ неба. Собравшись втайнѣ, они должны производить свою работу медленно и непрерывно, какъ раньше самъ Сальери,—шагъ за шагомъ, отъ наставника къ ученику, не допуская ни паденій, ни чрезвычайныхъ достиженій. Для такого плана Моцартъ ничѣмъ невызванное исключенье, необъяснимая случайность, удачникъ, счастливый выскочка, непомнящій родства. Что пользы въ немъ? Его чудесный даръ не можетъ войти звеномъ въ составъ совокупнаго труда, необоснованный геній не можетъ быть связанъ съ устойчивою дисциплиной, съ движеніемъ всѣхъ. Какъ на непредвидѣнной удачѣ, на немъ нельзя установить никакого расчета. Онъ безполезенъ въ общемъ дѣлѣ. Нѣтъ, болѣе того: онъ опасный, угрожающій врагъ. Онъ одинъ въ состояніи разрушить все, что было осуществлено съ такимъ усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ. Онъ снова соблазнитъ малодушныхъ. Какъ нѣкій херувимъ, онъ возбудитъ безкрылое желанье — желанье непосильное, несбыточное—напрасно раздразнивъ, отниметъ и то немногое, что было раньше пріобрѣтено. Услышавъ пѣсни рая, кто же

возвратится къ музыкѣ, какъ трупъ разъятой? Тогда снова рушилось дѣло Сальери. Его безцѣнное искусство придется вновь предоставить капризу вышнихъ силъ, а самимъ лишь ожидать, надъ чьею головою вспыхнетъ огненный языкъ. Нѣтъ, разъ навсегда надо покончить съ самымъ принципомъ вдохновенности. Надо забыть о неподвластныхъ человѣку возможностяхъ и не давать оболгать себя неисполнимыми надеждами. Если нельзя съ Богомъ, то созидать противъ Бога. Не подчиняться чьимъ-то прихотямъ, а основать свое искусство отступниковъ, въ которомъ Моцарту нѣтъ мѣста.

Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Такъ Сальери прибѣгаетъ къ дару Изоры. Вдумайтесь въ этотъ подарокъ возлюбленною яда. Въ немъ многое означено. Даже въ любви Сальери есть нѣчто губительное, духъ небытія, какой-то запахъ смерти. Сальери по натурѣ убійца и самоубійца. Онъ мало любитъ жизнь, несносной раной часто кажется ему она, и его мучитъ жажда смерти. Какая разница съ жизнелюбивымъ геніемъ, взять хотя бы Пушкина.

Но не хочу я, други, умирать...

О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю...

Есть тайная связь между эстетическимъ идеализмомъ Сальери и пессимизмомъ и тяготѣніемъ къ смерти. Онъ одержимъ единственнымъ влеченіемъ, и оно поглощаетъ его безъ остатка и уводитъ прочь отъ жизни. Въ душѣ Сальери, чахлой и скупой, распустился одинъ тропическій цвѣтокъ и изъ нея всосалъ въ себя всѣ соки. Одно лишь творчество могло доставить ему радость, но Сальери знаетъ въ творчествѣ одни терзанья. Раньше его поддерживала надежда, что, быть можетъ, посѣтитъ его восторгъ, и творческая ночь, и вдохновенье, но теперь надежда умерла. Зато исполнилось его другое ожиданье.

Быть можетъ, мнилъ я, *злѣйшаго врага*
Найду; **быть можетъ,** *злѣйшая обида*
Въ меня съ надменной грянетъ высоты,—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.

Съ наибольшей ясностью выступаетъ богоборческій духъ въ покушеніи Сальери. Слишкомъ «гордый», чтобы тягаться съ равными ему по человѣчеству, онъ ищетъ бремени тягчайшаго, ждетъ помѣриться съ «надменной высотой». Такъ знаменательно его незаглушимое предчувствіе какой-то высокой предназначенности. Безкорыстный, свободный отъ эгоистическихъ слабостей, онъ и здѣсь бережетъ въ себѣ дѣятеля идеи, орудіе высшей мести. Глубокій и величественный, глухой къ мелочамъ, онъ молчитъ на людскія оскорбленія, и только «злѣйшая обида» его заставитъ возстать. Всю жизнь, какъ увидалъ онъ Моцарта, его Богъ мучилъ и на борьбу его можетъ вызвать Единственный Соперникъ. Завѣтный даръ любви переходитъ въ чашу дружбы. Въ этомъ актѣ есть весь паѳосъ человѣческаго жертвоприношенія. Все, что есть въ Сальери сердечно-нѣжнаго, вырывается по безпощадному требованію идеи. Дивно напоилъ его восторгомъ «новый Гайденъ», но какъ раньше холодно онъ жегъ рожденные имъ звуки, такъ и теперь онъ не смутясь совершитъ свой тяжкій долгъ. Послѣднимъ отголоскомъ жалости или совѣсти прозвучитъ его испуганное восклицанье: «постой, постой!.. ты выпилъ!.. безъ меня?» — но и оно тогда же смолкнетъ.

Нѣтъ бремени, котораго не взялъ бы на себя Сальери ради торжества своего искусства. Подобно Бранду онъ готовъ итти на все, до самаго конца. Ни въ дѣйствіи, ни въ складѣ воли между ними нѣтъ различія. Но если Брандъ служитель Вышняго Бога, то Сальери, приверженецъ Его вѣчнаго врага.

Но умерщвляя Моцарта, Сальери совершаетъ убійство также и надъ самимъ собою, и его душа, опустѣлая и дотолѣ, мертвѣетъ окончательно, теперь, когда отсѣкъ онъ «страдавшій членъ». Въ пустыни отвлеченности Сальери высится смертоноснымъ Анчаромъ.

А Моцартъ, довѣрчивый и благодушный, какъ всегда, не вѣдаетъ, что сидитъ съ братоубійцей, и пьетъ здоровье уже обрекшаго его на смерть. Не вѣдаетъ, но онъ пасмуренъ и непокоенъ. Вѣщая душа, онъ полонъ необъяснимыхъ предчувствій. Вѣдь геніальность есть нѣкоторая близость къ сверхразумнымъ областямъ бытія. И Моцартъ что-то знаетъ о таинственномъ ходѣ темныхъ силъ вокругъ него. Онъ знаетъ и о преступленіи, гнѣздящемся въ душѣ Сальери, но, благородный другъ, не можетъ оскорбить подозрѣньемъ друга. Безсильный понять и высказать, что съ нимъ происходитъ,

онъ въ музыкѣ выразитъ и свою веселость, и близость друга, и вдругъ—видѣнье гробовое. Теперь онъ на пирушкѣ съ тѣмъ же другомъ, но кажется ему, что ихъ не двое, что между ними третій, какой-то черный человѣкъ. Вотъ ощущенія, которыя такъ чужды насквозь раціоналистической натурѣ Сальери. И въ этомъ сумрачномъ и достовѣрнымъ настроеніи, когда невольной темой разговора становится убійство, Моцартъ легко и просто, какъ все выходитъ у него, высказываетъ глубокую идею: геній и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя. Но почему же? Если бы спросить объясненія у самого Моцарта, онъ, вѣроятно, ничего бы не отвѣтилъ, а между тѣмъ онъ утверждаетъ съ увѣренностью самоочевидной истины.

Геніальность не есть спеціальное дарованіе въ какой-либо отдѣльной области мысли, но имѣетъ сущность всеобъемлющую, охватывая цѣликомъ всю душу. Геніальность есть то высочайшее развитіе духа, когда человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ не по случайнымъ и страстнымъ побужденіямъ, которыя не находятъ оправданія передъ его собственнымъ судомъ, но осуществляя каждымъ поступкомъ высшій, самостоятельно поставленный внутренній законъ или нормы, безразлично, будутъ ли тѣ нормы эстетическія, религіозныя или моральныя. Въ противоположность тому злодѣйство есть преступленіе автономнаго закона, побѣда темной страсти, которой совѣсть не принимаетъ на себя.

«Ты думаешь?»—иронически возражаетъ Сальери и уже однимъ тѣмъ вопросомъ онъ подтверждаетъ, что подлиннаго духа геніальности въ немъ нѣтъ. Когда же Сальери убѣдится въ правдѣ словъ Моцарта, будетъ поздно.

Онъ совершилъ свой тяжкій долгъ, возстановилъ нарушенную справедливость и теперь свободенъ воплотить свой идеалъ художника. Но почему же нежданное сомнѣніе вползаетъ въ мысль, и терзаютъ проклятыя догадки? Пусть онъ убилъ, но вѣдь на убійство онъ шелъ, какъ Авраамъ на жертвоприношенье сына. Можно ли назвать злодѣйствомъ подчиненье долгу, если бы даже повелѣнье долга было смертнымъ приговоромъ ближнему? Вѣдь такъ увѣренно шелъ до сихъ поръ Сальери на убійство, какъ избранный остановить разрушителя святыни. Такъ почему же онъ поколебался въ своей правдѣ теперь, когда онъ выполнилъ верховный подвигъ? Геній, тотъ всегда увѣренъ въ правотѣ своего дѣянья, онъ спокоенъ, какъ власть имѣющій. А если дрогнетъ человѣкъ,

если прокрадется хотя бы смутное сомнѣніе въ себѣ, если уже онъ назвалъ свой подвигъ злодѣяніемъ, то значитъ не было императива, а были страсти, которыхъ самъ стыдится,— значитъ онъ не геній. Никто не обвинялъ Сальери, но онъ самъ обличилъ себя. Онъ сумѣлъ убить, но перешагнуть черезъ убійство не смогъ. Теорія не выдержала испытанія на смерть.

Да и какъ образовалась его теорія? Не придумана ли она на случай, чтобъ спрятать и одѣть унизительную страсть? Но она живетъ, постыдная, полузадушанная зависть, и въ страшную минуту вдругъ обнажитъ свое лицо. Вотъ то возмездіе, которое постигаетъ Сальери. Вдругъ разверзлась истина: онъ не геній, ибо совершилъ злодѣяніе. Нѣтъ, еще убійственнѣе, еще невыносимѣе: онъ все то, отъ чего съ такимъ негодованіемъ отвертывался раньше: презрѣнный завистникъ, змѣя людьми растоптанная, песокъ и пыль грызущая безсильно.

Съ какой гордыней посвященнаго онъ провозгласилъ когда-то:

Мнѣ не смѣшно, когда *фигляръ презрѣнный*
Пародіей безчеститъ Алигьери.

Пародія богоизбранника, Сальери никогда болѣе не засмѣется.

Но что же? Долженъ ли Сальери быть осужденнымъ безвозвратно? Развѣ нѣтъ въ немъ своей неопровержимой правды? Нѣтъ, сущность трагическаго столкновенья въ томъ, что каждый изъ противниковъ правъ, но правдою односороннею. Моцартъ—тотъ весь, безъ остатка объятъ сверхъестественной силой, онъ безвольный медіумъ, безсознательный проводникъ невѣдомыхъ глаголовъ. Онъ лишенъ собственнаго волевого напряженія. Принимая свой геній, какъ небесный даръ, онъ не знаетъ по отношенію къ нему никакого долга. Онъ не умѣетъ воздѣлывать и совершенствовать свой геній, предоставляя ему произростать въ первобытной дикости. Моцартъ непривыченъ къ длительному труду и—признаемся же въ томъ—Сальери правъ, назвавъ его гулякой празднымъ.

Напротивъ, Сальери, безплодный и отверженный, въ высшей степени обладаетъ чувствомъ себя, какъ чего-то произвольнаго и равнозначащаго высшей силѣ. Разрѣшеніе кон-

4*

фликта не въ томъ, чтобы восторжествовалъ Моцартъ и генiй былъ только послушнымъ выразителемъ безсознательныхъ внушенiй и не въ томъ, чтобы возобладало атеистическое и мятежное искусство Сальери. Бунтомъ жить нельзя, и въ области эстетической также. Выходъ изъ противорѣчiя далъ Моцартъ въ своемъ заздравномъ тостѣ:

> За искреннiй союзъ,
> Связующiй Моцарта и Сальери,
> *Двухъ сыновей гармонiи.*

Моцартъ выпилъ свой тостъ одинъ, безъ Сальери, но Пушкинъ, самъ сынъ небесъ и труженикъ, провозгласившiй, что безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго, въ самомъ себѣ показалъ совмѣщенiе двухъ началъ.

Итакъ разрѣшенiе трагедiи—въ верховномъ синтезѣ двухъ противоборствующихъ силъ. Равновѣсiемъ центробѣжнаго и центростремительнаго тяготѣнiя поддерживается стройность въ движенiи небесныхъ свѣтилъ, та гармонiя сферъ, какою полны эфирныя пространства. Но тѣмъ же равновѣсiемъ осуществляется идеалъ высшей человѣчности, съ какой бы стороны—эстетической, моральной, религiозной—мы ни взглянули. Путь совершеннаго человѣка идетъ по равнодѣйствующей двухъ этихъ силъ: Моцатъ и Сальери, Кесарь и Галлилеянинъ, Я и Отецъ—Одно.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Болдинскія трагедіи это чудеснѣйшая героическая симфонія, въ которой «Каменный гость» занимаетъ мѣсто блестящаго скерцо *. Ея герой тотъ гуляка праздный, какимъ былъ Альберъ и Моцартъ.

Есть необходимый способъ понять эту пьесу: схватить ея темпъ. Именно въ темпѣ, въ его свободномъ, легкомъ бѣгѣ прежде всего постигается духъ трагедіи. Непринужденность и стремительность—есть ли что другое на свѣтѣ равное по совершенству? Несущаяся четверня побѣдителя-бога—таковъ стиль. Или вакхическая цѣпь нимфъ и сатировъ. Въ темпѣ стиля передается та свѣтлая, крылатая философія, которую внушаетъ пьеса. Увлекательно войти въ движенье рѣчи, значитъ вжиться въ характеръ лицъ, освоиться съ ихъ легкопѣнной, безгрѣшной жизнью. Они полны опьяненнаго темперамента и несмолкающей мелодіи и съ божественной откровенностью творятъ свою волю и волю Пославшаго ихъ. Но въ ихъ безпечности есть высшее предопредѣленіе, и безраздумно они повинуются ему. Эти испанскіе цвѣты знаютъ единственный долгъ—пышнѣй распускаться. Но это бремя для нихъ такъ легко.

---

* Если продолжить сравненіе, то въ «Скупомъ рыцарѣ» можно увидать энергичное allegro, въ которомъ дается первое развитіе темы; въ «Моцартѣ и Сальери»—глубокомысленное и медлительное andante; наконецъ, въ «Пирѣ во время чумы»—мрачный и огненный финалъ.

Предъ нами античное видѣніе. Голосъ моря и горные отзвуки, священный шелестъ рощъ,—голосъ крови и радостный ритмъ сердца. Съ беззвучнымъ смѣхомъ несутся нагіе хороводы по луннымъ полянамъ. И падаютъ въ содраганіяхъ страсти. Лѣсные танцы и юныя тѣла въ травѣ, подъ миртами. Козлоногій фавнъ наигрываетъ на тростникѣ и толпами сбѣгаются его слушать дріады. Есть безсмертное веселье, есть легкость и улыбка первыхъ дней творенья. И смѣхъ разносится по лѣсу. Слышите Пана? Но Панъ умеръ, и похоронный звонъ плача и гнѣва стоитъ надъ міромъ. На дальнемъ сѣверѣ, подъ сѣрымъ небомъ, въ печали и холодѣ протяжно звучатъ колокола о грѣхѣ и покаяніи.

Такова скрытая антитеза трагедіи. Испанія или Греція не все ли равно? Наперекоръ разноликой исторіи одна и та же вѣчная сущность подъ оболочкой несходства. Развѣ не воскресшій фавнъ—Донъ-Жуанъ, въ пурпуровомъ плащѣ и со шпагою? Онъ и Лаура подобно былымъ божествамъ полей и лѣса живутъ въ безыстомной влюбленности. И бѣдная нимфа когда-то пугливо уходившая въ чащи, назвалась Донной-Анной.

Въ странѣ наиболѣе фанатичной и экзальтированной, оцѣпенѣвшей подъ гнетомъ церковныхъ и кастовыхъ предразсудковъ; въ странѣ, въ которой могущественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, деспотизмъ авторитета, догматовъ и тысячи-одного запрещенья—словомъ въ средневѣковой Испаніи Пушкинъ поселилъ своего безпутнаго любимца, чтобы тѣмъ ярче оттѣнить всю правду солнечной, буйной и невинной природы. Въ противоположность тысячелѣтнимъ угрозамъ онъ взялся показать своего героя неотразимымъ въ его естественномъ имморализмѣ. Бурной и стихійной кровью одарилъ поэтъ Жуана, и такъ прекрасна въ немъ вѣчная свѣжесть и пламенность его чувствъ. Восторженный и никогда ненасытимый жизнью, онъ стремится все къ новымъ приключеніямъ, утѣхамъ и встрѣчамъ. Но есть въ немъ еще одно качество, которое придаетъ ему отпечатокъ исключительнаго благородства. Это качество есть то дивное довѣріе къ себѣ, какое свойственно только немногимъ, принадлежащимъ къ высшей породѣ. Въ Донъ-Жуанѣ нѣтъ ничего рефлектирующаго, робкаго, внутренно-разъѣдающаго — онъ всегда откровененъ, простъ и смѣлъ. У него открытый взоръ и сладострастная

улыбка. Въ немъ есть врожденная вольность. Надъ нимъ невластны никакіе запреты. Въ Мадридѣ ему некого бояться: король его любитъ, а молву онъ стряхнетъ, какъ болтовню Лепорелло. Но не то важно: Жуанъ обладаетъ внутренней неуязвимостью. Въ немъ живетъ та славная и безупречная совѣсть, которая ему позволяетъ съ чарующей дерзостью, не замѣчая даже, переноситься черезъ законы и убѣжденія всѣхъ. И что за сильныя и гибкія движенья, когда онъ подкрадется и вдругъ прыгнетъ на какую-нибудь вѣковую святыню. Всецѣло и единственно покоряясь собственной природѣ и со всей свободой выражая себя, онъ великолѣпный образецъ первообразной морали. Жизнь Донъ-Жуана безоблачна и не встрѣчаетъ значительныхъ сопротивленій, оттого естественный законъ, который онъ надъ собою признаетъ, лежитъ въ немъ скорѣе лишь неосознанной предпосылкой всѣхъ его поступковъ. Трагическій духъ вѣетъ отъ его лица первоначально лишь какъ предчувствіе чего-то угрожающаго и неотвратимаго. Но стоило ему столкнуться съ роковымъ препятствіемъ, и дотолѣ скрытое сознаніе въ немъ вспыхнуло жгучимъ пламенемъ. Выражать себя даже до гибели вдругъ пробудилось вызывающимъ девизомъ.

«Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

Я? Нѣтъ! Я звалъ тебя и радъ, что вижу».

Однако мораль Донъ-Жуана нераздѣлимо связана съ нѣкоторымъ другимъ даромъ, который высоко выдѣляетъ его надъ человѣческою чернью. Донъ-Жуанъ безсовѣстный соблазнитель, распутный кавалеръ, прелюбодѣй-убійца—вотъ голосъ народа, приговоръ толпы. Съ тою же славой живетъ онъ въ памяти исторіи. Но Пушкинъ съ своей загадочной наклонностью къ реабилитаціи всѣхъ пороковъ превратилъ его въ упоительно-прекраснаго героя. Въ Жуанѣ заключено верховное оправданіе его преступности. Здѣсь мы называемъ въ немъ центральную черту: его творчество. Донъ-Жуанъ—это геній жизни, царственный и ликующій. Правда, весь свой пылъ и восторгъ онъ отдалъ женщинѣ. Но почему? Искалъ ли онъ въ ней лишь чувственнаго обладанія? Но кто же оскорбитъ Жуана, въ немъ увидавъ вульгарнаго сластолюбца? Или, быть можетъ, онъ хищникъ, которому сладко тѣшить свою гордость и насыщать томленье власти женскими сердцами?

Но не походитъ ли Жуанъ скорѣе самъ на жертву внезапной страсти, чѣмъ на разсчетливаго завоевателя? Нѣтъ, Донъ-Жуанъ—поэтъ и страсть онъ принимаетъ, какъ вдохновенный мастеръ. «Н о и л ю б о в ь—м е л о д і я», вскользь бросилъ кто-то изъ гостей Лауры. Въ случайномъ замѣчаніи вся разгадка Донъ-Жуана. Никто другой не воспринялъ такъ полно смыслъ немногословной истины. Гуляка праздный, въ дѣйствительности, онъ великій музыкантъ любви, онъ Моцартъ страсти, «импровизаторъ любовной пѣсни». Онъ ищетъ въ женщинѣ все новый возбудитель вдохновенія, вѣрнѣе, послушный инструментъ, который позволяетъ извлекать чудесные напѣвы. Влюбленность онъ ощущаетъ, какъ высочайшій приливъ лирическаго волненія. «Я п ѣ т ь г о т о в ъ»,—вотъ скопившіеся въ душѣ звуки, которые потекутъ волнами музыки.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Донна-Анна!
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять—
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мраморъ блѣдный
Разсыплете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю—счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами...

Художникъ страсти, Жуанъ гораздо болѣе влагаетъ с е б я въ предметъ любви, преображая смертное существо въ созданіе своей мечты. Извнѣ ему достаточно замѣтить лишь узенькую пятку.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.

Оттого-то вѣчно жива въ Жуанѣ память о давно любимыхъ, и въ ненаглядной прелести вновь и вновь воскресаютъ загубленныя тѣни. Въ Жуанѣ знойная вакхическая кровь, но любитъ онъ съ идеализмомъ платоническаго любовника.

Нерѣдко доступное наслажденіе готовъ онъ замѣнить его мыслительнымъ отображеньемъ и не нуждаться въ исполненьи внѣшнемъ. Желанное свиданье наступило, онъ у Анны. Но упоенный самымъ воздухомъ любви, онъ не спѣшитъ съ неизбѣжною развязкой. Нетерпѣливый вопросъ дамы: «чтоже вы молчите?» —и его замедленный отвѣтъ:

Наслаждаюсь молча,
Глубоко *мыслью* быть наединѣ
Съ прелестной Донной-Анной.

И временами его влеченія пріобрѣтаютъ удивительную утонченность и серафическую безплотность.

Странную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно—мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... Такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У нея былъ тихъ и слабъ—какъ у больной...

Однако при всей изощренности, въ желаньяхъ Донъ-Жуана нѣтъ ничего впадающаго въ болѣзненность, ни признака упадочныхъ инстинктовъ. Онъ слишкомъ здоровъ и солнеченъ. На сѣверѣ, гдѣ солнце блѣдно, а небо точно дымъ, онъ зябнетъ и тоскуетъ. Южанинъ, весь огонь и трепетъ, онъ чурается безкровной томности тамошнихъ красавицъ. Солнцепоклонникъ, онъ считаетъ влеченіе къ нимъ за грѣхъ предъ жизнью.

Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться,
Въ нихъ жизни нѣтъ, все куклы восковыя...

Фавнъ и поэтъ—и всего менѣе коварный соблазнитель. Безбожный развратитель, по людскому слуху, онъ только шаловливый мальчикъ. Онъ просто счастливъ, какъ ребенокъ, слишкомъ безоглядный въ своихъ порывахъ, чтобы лукаво и съ расчетомъ, въ безсчетный разъ домогаться сомнительнаго удовлетворенія. Гдѣ же ему съ терпѣніемъ раскидывать сѣти, вести съ упорствомъ, шагъ за шагомъ обольщенье,

когда его не хватало обдумать одной-двухъ фразъ. Слишкомъ скучно ему готовиться заранѣе къ свиданію,—безъ предуготовленія, что въ голову придетъ, то онъ и выскажетъ любимой. Вся обольстительность его рѣчей въ ихъ безыскусственномъ лиризмѣ, въ правдивой музыкѣ сердца. Онъ обаятеленъ и неотразимъ, потому что безъ памяти влюбленъ— сейчасъ, какъ раньше. Нѣтъ человѣка искреннѣй его. Прославленный обманщикъ—онъ никогда не лжетъ. Онъ весь въ нахлынувшемъ мгновеньи, безъ мысли о прошломъ и грядущемъ, съ безумной щедростью онъ расточаетъ себя каждой. не утаивъ корыстно ни капли. Любое изъ своихъ неисчислимыхъ увлеченій онъ переживаетъ съ нетронутостью первой любви и, сказочный чародѣй, каждому налету страсти онъ предается съ обновленной дѣвственностью. Увидѣлъ женщину и полюбилъ. Давно ли?

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово счастье.

Онъ не обманываетъ. Въ его признаньи не избитый пріемъ обольщенія. Своимъ словамъ онъ вѣритъ самъ и нѣтъ, поистинѣ, въ немъ памяти о томъ, когда-то бывшемъ Донъ-Жуанѣ съ его другой любовью.

...съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось;
Мнѣ кажется, я весь переродился.

Или то неправдоподобно? Но такъ не помнитъ Моцартъ, создавая реквіемъ, о когда-то написанной сонатѣ. А что другое для Донъ-Жуана женщина, какъ не вдругъ родившееся музыкальное созданье, которое тѣснится въ сердцѣ? Мгновенна жизнь и разсыпается сама на рядъ безсвязныхъ, самоцвѣтныхъ миговъ. И только сосредоточивъ всего себя вотъ здѣсь, вотъ въ этомъ мигѣ творилъ Жуанъ свои мелодіи.

Теперь понятно, въ чемъ коренится имморализмъ Жуана. Всегда во власти мгновенныхъ побужденій, онъ сбрасываетъ мертвящія стѣсненія. Но для общества онъ конечно только развратный, безсовѣстный, безбожный, и Лепорелло только повторяетъ всеобщій приговоръ.

Всѣхъ бы ихъ
Развратниковъ въ одинъ мѣшокъ, да въ море.

Мимолетная прихоть, развратный позывъ—таково сложилось мнѣніе о страсти Донъ Жуана. Но есть въ его любви восторгъ, и ширь, и неизмѣримость міра. «Я радъ весь міръ обнять—вотъ намекъ, который у другого поэта превратится въ патетическое возвѣщеніе космической влюбленности.

Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ;
Она меня роднила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину;
Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.

Измѣнчивый, неуловимый, Жуанъ снова становится инымъ. Не повѣса и не задорный дуэлистъ теперь предъ нами, но романтическій энтузіастъ, но пантеистъ любви.

Но странно: объятый діонисійской жизнерадостностью, Донъ-Жуанъ стоитъ въ какой-то непостижимой близости со смертью. Встрѣча съ нимъ смертельна одинаково и для мужчинъ и женщинъ: убиты донъ-Альваръ, донъ-Карлосъ и гибнетъ Инеза, Донна-Анна. Но болѣе того: есть въ Донъ-Жуанѣ внутреннее тяготѣнье къ смерти, какъ будто бы она отвѣчала тайнымъ потребностямъ его души. Восторженный эстетъ, онъ понимаетъ, что на фонѣ гробового мрака ярче краски жизни. Поэтому, чтобъ превратить любовное приключеніе въ геройство, онъ сопровождаетъ его рискомъ. Чѣмъ угрожаемѣе надвинулась погибель, тѣмъ обворожительнѣе краснорѣчье, тѣмъ пламеннѣй его объятья. Влюбленный въ жизнь, какъ божеству покланяясь страсти, онъ къ радости примѣшиваетъ уничтоженье, чтобы божественнѣе насладиться и жизнью и любовью. Здѣсь Пушкинъ надѣлилъ Жуана опытомъ, который извѣдалъ самъ.

Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзанья недостоинъ.

Чтобъ быть достойнѣй милыхъ женъ, вѣчно бродитъ Донъ-Жуанъ на краю бездны, въ опасности смерти восприни-

мая импульсы жизни. Пусть только ярче вспыхнетъ мгновенье, а тамъ оплатой пусть будетъ смерть.

Что значитъ смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

И то было дерзкою игрою, когда онъ подставляетъ грудь кинжалу Донны-Анны. Испанка, мстительная и оскорбленная, была нешуточной угрозой, и съ нею Донъ-Жуанъ ставилъ сильный банкъ. Но оттого-то послѣ была не въ силахъ отказать вдова убійцѣ мужа, и жарокъ былъ ихъ мѣрный поцѣлуй. Тамъ, гдѣ любовь Жуана, присутствуетъ и смерть. На кладбищѣ впервые онъ видитъ Донну-Анну, при гробѣ онъ падаетъ къ ея ногамъ съ признаньемъ, при мертвомъ цѣлуется съ Лаурой. Но вотъ ему сдалась его печальная сеньора, и съ тою же неизъяснимой притягательностью къ смерти онъ зоветъ изваяннаго командора.

Лаура родная сестра по духу Донъ-Жуана. Они похожи съ нимъ во всемъ. Какъ ея вѣтреный любовникъ, она волшебница искусства. Она поетъ имъ сочиненные романсы, и ея звуки чаруютъ сердце всѣмъ. Но она не просто исполнительница чужого, но вдохновенная сама.

...глаза твои блестятъ,
И щеки разгорѣлись, не проходитъ
Въ тебѣ восторгъ...

Но и въ ней музыка рождается любовью. Вѣщимъ предчувствіемъ она уже знаетъ, что близокъ ея вѣрный другъ, и она играетъ, какъ никогда съ такимъ же совершенствомъ не играла.

...мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово;
Я вольно предавалась вдохновенью;
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

А сердце у Лауры такъ же нестѣсненно, измѣнчиво, но чисто. Пусть для нея легка невѣрность, но въ предѣлахъ новаго увлеченія она захвачена вся до послѣдняго дыханья. Ей только что понравился за бѣшенство Донъ-Карлосъ, и вся она принадлежитъ ему и забыла всѣхъ прежнихъ. А Донъ-Жуанъ? Любитъ ли она его теперь?

Въ сію минуту?
Нѣтъ не люблю. *Мнѣ двухъ любить нельзя.*
Теперь люблю тебя.

Лаура встрѣтилась съ Донъ-Карлосомъ, какъ Донъ-Жуанъ столкнулся съ его братомъ—каменнымъ командоромъ. Кто эти братья? Контрастъ безпечной пары. Съ безупречной вѣрностью глаза Пушкинъ ихъ едва обрисовалъ въ чертахъ немногихъ, бѣглыхъ, почти неуловимыхъ. Но за недосказанностью мы чувствуемъ ихъ во весь ростъ. Оба истые испанцы. Каждый гордый, смѣлый, суровый духомъ и угрюмый. Въ нихъ сама Испанія: нечахшій дворянскій духъ, воинственность, монастырскіе своды, бичеванье и черепа для созерцанья бренности людской. Донъ-Карлосъ говоритъ съ красивой, ему доступной женщиной, и въ его словахъ проклятье черстваго монаха живой улыбкѣ и нераскаянному наслажденью. Онъ предостерегаетъ, онъ грозитъ, зловѣщій воронъ, когда бы могъ любить и быть любимымъ.

Ты молода... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣить и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда—что скажешь ты?

Лаура смущена, напуганный ребенокъ, она, быть можетъ, готова плакать.

Что за разговоръ?
Иль у тебя *всегда такія мысли?*

съ упрекомъ едва промолвила она, но тотчасъ же оправилась. Съ безошибочностью инстинкта отвѣчаетъ она неотразимымъ аргументомъ. Дочь природы, у ней, Великой Матери-Заступницы, она находитъ свою защиту.

Приди—открой балконъ. Какъ небо тихо;
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ

И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной—
И сторожа кричатъ протяжно: ясно.
А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ, и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло?

Донъ-Карлосъ ошибся, плохо понимая, къ кому онъ обращаетъ увѣщанье. Лаура, какъ Земфира, даже не личность, какъ понимаемъ личности мы: съ собственнымъ почином и съ отвѣтственностью. Онѣ—сама стихія, беззаконная, непостоянная и текучая, какъ море. Кто скажетъ морю, чтобы не ходило волнами, или лунѣ—вонъ тамъ остановись, иль сердцу дѣвы, чтобы не любило, а думало о сѣдинѣ? Въ нихъ есть невинность и безмысліе послушницы природы, и невинно онѣ при мертвомъ или надъ могилой проводятъ брачную ночь. Такъ на могилѣ растутъ цвѣты, такъ у гробового входа играетъ младая жизнь.

Распутникъ и безбожникъ Донъ-Жуанъ, а Лаура—блудница. Такимъ ихъ видитъ монастырскій взглядъ. Нѣтъ, что-то бѣсовское, дьявольское онъ видитъ въ ихъ кроткомъ языческомъ весельи сердца.

— Насилу-то помогъ лукавый,—говоритъ Лепорелло.

— Милый демонъ,—говоритъ Донъ-Карлосъ.

— Вы сущій демонъ,—повторяетъ Донна-Анна.

Вотъ онъ:

Женообразный, сладострастный.
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.

И этотъ демонъ, обворожительный Донъ-Жуанъ съ пожатіемъ каменной десницы проваливается.

«Друзья мои, вамъ жаль поэта» ? Кто знаетъ, не пощадилъ ли бы его Пушкинъ, если бы онъ писалъ трагедію въ другую эпоху жизни? Но въ ту пору его совѣсть требовала нравственнаго возмездія. Вѣдь Донъ-Жуанъ это самъ Пушкинъ, какимъ себя онъ изображалъ: безпечный, влюбчивый, влюблявшійся во всѣхъ красивыхъ женщинъ, какихъ онъ

зналъ, который составлялъ свой Донъ-Жуанскій списокъ и признавался кстати, что Natalie его сто-тринадцатая любовь, которой, уже женатый, былъ вынужденъ увѣщевать себя:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!

Но то были уже протекшіе годы. Теперь же съ отвращеніемъ читаетъ поэтъ свое прошлое. Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье ему тяжело теперь, какъ смутное похмелье. Не дорожа мятежнымъ наслажденіемъ вакханки молодой, поэтъ тоскуетъ по «торжественной красѣ», въ которой «все гармонія, все диво, все выше міра и страстей». Смущенный поэтъ благоговѣетъ богомольно передъ «святыней красоты». Однако было не легко угомонить бунтующую кровь.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ...

вотъ вопль отчаянья, который прорывался среди одолѣвающихъ страстей. Въ душѣ поэта шла борьба съ вакханкой за Мадонну. Съ сіонской высоты Жуанъ казался лживымъ идеаломъ. Въ корнѣ измѣнилось прежніе воззрѣніе на любовь. Не наслажденье дикой воли, не языческое упоенье каждымъ мигомъ Пушкинъ ставитъ идеаломъ, но вѣрныя сердца, но стыдливыя ласки христіанскаго брака.

«Любовь въ бракѣ это верхъ человѣческаго достоинства въ любви».

«Зависимость жизни семейной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ».

Таковы новые афоризмы, которые руководятъ теперь поведеніемъ Пушкина. Онъ уже сдѣлалъ предложеніе и настраивался въ ладъ семьянина. Наблюдавшая его въ то время современница оставила намъ знаменательный отзывъ.

«Онъ былъ серьезенъ, важенъ, какъ слѣдовало человѣку съ душой, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо».

Послѣ годовъ странствованій поэтъ вплываетъ въ пристань. Желанной цѣлью становится хозяйка и покой. Вмѣсто эротическихъ побѣдъ его влечетъ смиренный уголъ, вмѣсто страстныхъ волненій—домашняя тишина. Раскаявшійся Донъ-Жуанъ, Пушкинъ составляетъ новую программу жизни.

«Юность не имѣетъ нужды въ at home, зрѣлый возрастъ ужасается своего уединенія. Блаженъ, кто находитъ подругу: тогда удались онъ домой. О, скоро ли перенесу мои пенаты въ деревню? Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, любовь, etc. Религія, смерть».

Становясь мужемъ и хранителемъ очага, Пушкинъ видитъ въ Донъ-Жуанѣ разорителя гнѣзда и возмутителя святыни.

А тотъ зарвавшійся счастливецъ не знаетъ удержу въ своемъ ликующемъ размахѣ. Задорный, легкомысленный, онъ теряетъ даже благородство къ убитому противнику. Съ кощунственной насмѣшкой надъ присмирѣвшимъ мертвымъ онъ кидаетъ ему въ лицо свое возмутительное приглашеніе.

Я, командоръ, прошу тебя прійти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать на стражѣ въ дверяхъ.

Старый командоръ на зовъ явился. Шестью годами позже Пушкинъ самъ дастъ подобный же отвѣтъ другому оскорбителю.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

На примѣрѣ Донъ-Жуана Пушкинъ показалъ, какъ встрѣчаетъ смерть его герой.

«Я звалъ тебя и радъ, что вижу».

Отношеніе къ смерти было поставлено темой послѣдней болдинской трагедіи.

Пушкинъ съ особеннымъ напряженіемъ и постоянствомъ помышлялъ всегда о неминуемомъ концѣ. День каждый, каждую годину привыкъ онъ провожать неотступной думой. Рѣдки и немногословны его признанія, разбросанныя въ стихахъ и письмахъ, но все-таки есть возможность опредѣленно установить его подходъ къ вопросу. Два чувства внушали Пушкину силы свѣтло и бодро итти навстрѣчу смерти. Во-первыхъ, мужественная жизнестойкость его организма и духа. Во-вторыхъ, самоотреченіе и міровая благожелательность ко всему остающемуся жить. Вотъ примѣры обоихъ чувствъ.

Глубоко опечаленный смертью Дельвига, Пушкинъ пишетъ Плетневу. «Что скажу тебѣ, мой милый? Ужасное извѣстіе я получилъ въ воскресеніе... Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная... Никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все».

Но послѣ щемящаго вступленія заканчиваетъ Пушкинъ уже другими дивными строками.

«Вчера... говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и стра-

шенъ. Нечего дѣлать! согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы».

А вотъ еще письмо Плетневу же.

«Письмо твое... крѣпко меня опечалило. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ. Молчановъ умеръ, погоди—умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой, мы будемъ старые хрычи, жены наши—старыя хрычевки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята, мальчишки станутъ повѣсничать, а дѣвчонки—сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя... Были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы».

Это письмо, само подобное лирическому стихотворенію, примыкаетъ къ другимъ незабвеннымъ строкамъ:

«Летятъ за днями дни и каждый день уноситъ
Частичку бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Предполагаемъ жить... и глядь, все прахъ: умремъ».

Здравствуй племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ...

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть...

Нетрудно увидать, что въ такомъ пріятіи смерти много язычески-земного. Мысль Пушкина намѣренно сосредоточена по эту сторону бытія. Загробное остается внѣ предѣловъ вѣры. На немъ не строится никакихъ надеждъ, и утѣшенія создаются доступныя ясному уму и больному сердцу. Личное исчезновеніе неизбѣжно: надо открыто взглянуть на фактъ и согласиться. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего. Надо быть сильнымъ духомъ и обойтись безъ жалобъ. «Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить». Но въ нашей власти есть еще остатокъ дней, такъ постараемся быть живы. А будемъ живы, будемъ и веселы. Жизнь все еще богата, и въ ея богатствѣ надо найти умиротворяющее чувство для себя. Здравствуй, племя младое,

незнакомое!.. Все такъ ясно, просто на первый взглядъ: на самомъ дѣлѣ, такъ непостижимо по глубинѣ стихійной жизненности.

Но на почвѣ такихъ несокрушимыхъ инстинктовъ расцвѣтало еще одно невыразимое ощущеніе: жажда грозной опасности, чувство особенной притягательности смерти. Пушкинъ не только стойко выдерживалъ неизбѣжность смерти,—онъ самъ бросался ей навстрѣчу, тѣмъ самымъ удовлетворяя таинственнымъ влеченіямъ души. Онъ былъ еще юношей, когда повѣдалъ въ одномъ изъ стихотвореній: «и смерти мысль мила душѣ моей». «Ожиданье грозной смерти», «жажда гибели», имѣютъ надъ нимъ неизъяснимую силу. Онъ рвется на войну, въ «боевой ужасъ», «въ роковой огонь сраженій». Въ минуты хандры и душевнаго омертвѣнія ему кажется, одна лишь битва можетъ оживить его.

И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей—

—вотъ восклицаніе, вырвавшееся въ одинъ изъ приступовъ такой тягостной лѣни.

«Пушкинъ—пишетъ Липранди,—всегда восхищался подвигомъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, на карту. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы о военныхъ эпизодахъ: лицо его краснѣло и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотверженія, глаза его блистали, и вдругъ часто онъ задумывался».*

Въ Болдинѣ, когда идеалы молодости были подвергнуты послѣдней переоцѣнкѣ, былъ снова выдвинутъ вопросъ о смерти. Припомнимъ обстоятельства, при которыхъ создавалась трагедія. Въ окрестностяхъ разразилась эпидемія холеры—«очень миленькой персоны», какъ называетъ ее Пушкинъ.

«Около меня Колера Морбусъ,—пишетъ онъ Плетневу.—Знаешь ли что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ, того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію».

Въ виду надвигающейся опасности обострялась привычная мысль, и сердце билось свѣжѣе, какъ передъ сильною

---

*) Сравн.: «Посланіе къ Юдину», «Посланіе къ В. Л. Пушкину», «Орлову», «Мнѣ бой знакомъ».

игрою. Подъ впечатлѣніемъ нависшей заразы Пушкинъ пишетъ «Пиръ во время чумы». Это довольно точный переводъ одной сцены трагедіи Вильсона, но Пушкинъ вставилъ два собственныхъ отрывка, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ: пѣснь Мери и гимнъ Председателя. На нихъ мы должны сосредоточить вниманіе. Остальное—фонъ, на которомъ выступаютъ двѣ важнѣйшихъ идеи.

Для мирной страны наступилъ мрачный годъ. Царица грозная, чума пришла на человѣческую жатву. Черная телѣга, наполненная мертвецами, имѣетъ право всюду разъѣзжать, и бѣлоглазый негръ ею управляетъ. Въ опустѣлыя пожарища обратились селенія, и тишина, и ужасъ мертвой пустоты воцарились всюду. Не пустѣетъ, не молчитъ одно кладбище. Тамъ поминутно мертвыхъ носятъ, поминутно мѣста надо,—какъ испуганное стадо, жмутся межъ собою могилы, и общія ямы поглащаютъ мертвыя тѣла. Тамъ спѣшныя обряды плачевныхъ похоронъ, и блѣдныя лица, и стенанія, и боязливыя моленья еще оставшихся въ живыхъ.

На безлюдной улицѣ нѣсколько мужчинъ и женщинъ нашли пріютъ пировъ ничѣмъ не возмутимый, накрыли столъ и общимъ хохотомъ, разгуломъ, кромѣшнымъ ликованьемъ силятся разсѣять мракъ, который разостлала зараза-гостья. «Но страхъ живетъ въ душѣ страстьми томимый». Вопреки веселью и наперекоръ смѣху онъ живетъ, могущественный и леденящій. Онъ пробивается сквозь буйство и восклицанья унылой и протяжной пѣснью, встаетъ видѣньемъ, какъ черный демонъ, чтобъ звать въ свою телѣжку. И отовсюду для подавленной души слышенъ шопотъ смерти, и мертвые лепечутъ ужасную, невѣдомую рѣчь, и рѣетъ трепетанье вѣчной ночи. «Что дѣлать намъ и чѣмъ помочь?»—вотъ вопросы, которые встаютъ передъ дрожащей тварью, передъ измученными страхомъ бѣдными сердцами. Въ различныхъ видоизмѣненіяхъ даются способы сопротивленія надвинувшейся казни. Простѣйшее дѣйствіе—спрятать голову, не видѣть факта: вѣдь много насъ еще живыхъ и намъ причины нѣтъ печалиться. Голосъ легкомыслія, предложеніе молодого человѣка: страхъ заглушить веселымъ звономъ рюмокъ и пить за мертваго, какъ будто бъ былъ онъ живъ.

Новую попытку пускаетъ въ ходъ одна изъ женщинъ. Насилованной насмѣшкой и злорѣчьемъ разогнать навѣянную грусть, искуственною вспышкой ненависти истребить впол-

зающую смертную тоску. Но напрасно хочетъ показать мужское сердце женщина. Проѣзжаетъ обычная черная телѣга— и мигомъ напускная злоба погасла въ обморокѣ.

Такъ чувствуютъ и поступаютъ статисты человѣчества, одни изъ многихъ, безсильные подняться на высоту момента и образовать въ себѣ достойный отпоръ на устрашенье смерти. Ихъ значенье въ пьесѣ—случайностью импульсовъ, растерянностью, душевной слѣпотой и лѣнью полумыслей быть образцомъ толпы и оттѣнять собою идейныя рѣшенія.

Ихъ два такихъ рѣшенья: двѣ пѣсни—Мери и Вальсингама. Въ нихъ Пушкинъ далъ два противоположныхъ міросозерцанья, двѣ законченныхъ философіи смерти. Поетъ Мери, и въ евангельской простотѣ ея пѣсни все тихое воодушевленіе Музы-христіанки. Въ первой половинѣ пѣсни изумительное, построенное на контрастахъ описаніе цвѣтущей, мирной жизни и ужаса и запустѣнья чумной кары. Вторая часть заново написана самимъ Пушкинымъ. Это надо помнить. Здѣсь именно дается первое идейное отношеніе къ смерти—отношенье христіанства, побѣда надъ смертью вѣры и любви. Вовсе нѣтъ страха. Всѣ помыслы передъ кончиной устремлены къ возлюбленному. Есть только тѣни грусти отъ разлуки. Чувство послѣднихъ минутъ—одна забота и тревога о немъ, оставленномъ на землѣ. Въ концѣ—предсмертное обѣщанье вѣчной связи. Стыдливой вѣрой, самозабвеніемъ и безграничной нѣжностью вырываетъ дѣвушка жало смерти.

Мери поетъ по просьбѣ Вальсингена. Уныло и протяжно,— такъ онъ просилъ. Откуда это сладострастіе печали, потребность бередить муку? Она есть—эта мука, незримая, глухая, но неизбывная. И злая нудитъ тоска дать боли звукъ, дикимъ вдохновеньемъ еще болѣе растравить сердце.

> ... ничто
> Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
> Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

Но тотчасъ—новая измѣнчивость желаній: разбередивъ печаль, потомъ безумнѣе къ веселью обратиться. Мучительное шатанье, капризы разстроенной души, жажда острыхъ противорѣчій — симптомы невыносимаго душевнаго напряженья. Что это? Среди стенаній и черной гибели мятущаяся личность хочетъ заслониться оргіей, развратомъ пира отстоять себя. Но слѣдующее сравненіе даетъ иное объясненіе

смятенью Вальсингама. Онъ хочетъ безумнѣе къ веселью обратиться,

как тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ-нибудь видѣньемъ.

Итакъ пѣсня Мери должна имѣть тайное сродство съ какими-то видѣніями. Мимолетно намъ внушается догадка, что мука Вальсингама не въ страхѣ смерти, но въ загробныхъ призракахъ, но въ терзаньяхъ жгучей памяти. Въ дальнѣйшемъ мы узнаемъ его судьбу.

Кончина матери, когда рыдая, на колѣняхъ обнималъ онъ ея трупъ и съ воплемъ бился надъ могилой; смерть жены, молчаніе, и мертвая пустыня дома, и страшное воспоминанье. Нравственная катастрофа, духовный переворотъ и путь отчаянья. Отпаденіе отъ Бога совершилось... Священникъ напрасно пытается возвратить отверженца: онъ долженъ до конца пройти по избранной дорогѣ. Сначала только вымученное распутство опустошенной души, исканье пьянаго забвенья, новость бѣшеныхъ веселій. Тутъ Вальсингамъ на равномъ уровнѣ съ прочими товарищами. Но дальше онъ вдругъ выростаетъ. Онъ болѣе не буйный собесѣдникъ развратниковъ — предъ нами снова прежній образъ бунтовщика и Богоборца. Изъ прошлаго Вальсингама намъ понятно, чѣмъ подготовился въ немъ бунтъ. Но отъ пережитаго горя въ немъ родилось не малодушное нечестивство, не вопли истерическаго богохульства. Нѣтъ, собственную судьбу онъ вознесъ на высоту всеобщаго протеста, въ безысходности своихъ страданій обрѣлъ героическую идею. Гимнъ предсѣдателя центральный пунктъ, къ которому стремится все дѣйствіе. Въ немъ высшее усилье побѣдить угрозу смерти. Съ серьезностью, недоступной ни Луизѣ, ни молодому человѣку, съ энергіей, непосильной мягкосердечной Мери, провозглашаетъ онъ свой отвѣтъ на приближенье гибели. Не «буйную вакхическую пѣсню» онъ будетъ пѣть: такой не знаетъ онъ. Но онъ споетъ гимнъ возстанія противъ законовъ рока гордаго, непобѣдимаго духа. Въ пѣснѣ Вальсингама призывный кличъ къ братьямъ по человѣчеству:

«Мужайтесь, боритесь, о храбрые други»!

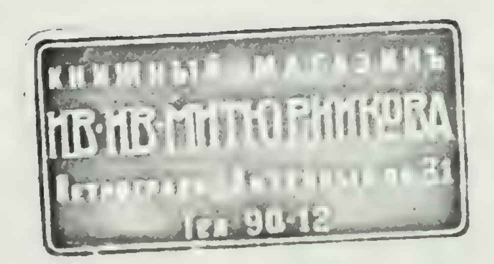
Смерть извѣчный врагъ личности, и, сталкивая съ нею гордаго человѣка, Пушкинъ дѣлаетъ послѣднее примѣненіе принциповъ индивидуализма. Вопросъ поставленъ такъ: чѣмъ

можетъ противостоять гордый человѣкъ его истребляющей силѣ? Все тѣмъ же, въ чемъ его величіе: волей, но доведенной до высочайшей точки напряженія. Все смертоносное рождаетъ въ могучемъ характерѣ равное противодѣйствіе. Предъ тѣмъ, какъ сокрушить, оно до крайности напрягаетъ ощущенье могущества, сообщаетъ величайшій подъемъ всѣмъ силамъ. Въ чумѣ привѣтствуетъ Вальсингамъ благороднаго врага, который даетъ возможность познать въ себѣ дотолѣ неразгаданную мощь. Надъ черной пропастью, средь бурной тьмы жаръ-цвѣтомъ вспыхиваетъ чувство жизни. Въ грозѣ и уроганѣ нервное возбужденье достигаетъ той высоты, когда становится тѣсной бренная оболочка, и въ несказанномъ упоеніи человѣкъ прорывается къ чувству безсмертія. Неизъяснимыя наслажденія экстаза, преображеніе души! Такое мгновеніе стоитъ купить цѣною жизни. Эту истину познала Клеопатра, сладострастнымъ соединеніемъ любви и смерти создавая изъ смертныхъ земныхъ боговъ. Въ гимнѣ Вальсингама не призывъ къ разнузданію всѣхъ низменныхъ инстинктовъ, но своеобразное, пусть искаженное, исканье вѣчности. Демоническимъ усильемъ безсмертье добыто. Демоническимъ,—потому что здѣсь торжество человѣческой гордыни, побѣда Богоотступника. Не на небесахъ, и не отъ Бога онъ ждетъ безсмертья, но завоевываетъ его самъ, здѣсь, на землѣ. Священникъ правъ: безбожный пиръ, безбожные безумцы.

Но тутъ обнаруживается роковой предѣлъ атеистической воли. Безсмертіе, которое сулитъ Вальсингамъ, лишь вынужденная попытка самообмана. Экстатическое мгновенье есть только субъективное состояніе, а не реальное преодолѣнье смерти. Судорожный восторгъ не разрушаетъ индивидуалистическаго одиночества. Но истинная вѣчная жизнь есть соединеніе всѣхъ во всемъ, а не огненный полетъ канувшаго метеора. Священникъ подаетъ великую надежду «встрѣтить въ небесахъ утраченныхъ возлюбленныя души». Мятежный Вальсингамъ отвергъ путь надежды. Но, возмутившись противъ Бога, и рѣшившись своею волей овладѣть безсмертьемъ, онъ навѣкъ разъединенъ съ возлюбленной. Его Дженни останется одна на небесахъ въ своей напрасной памяти о любимомъ, а безъ нея—на что безсмертіе Эдмунду? Но болѣе того: лишь только священникъ назвалъ ея умолкнувшее имя, какъ сразу же раскрылось Вальсингаму все беззаконіе его мечты, и самъ же онъ отрекся отъ своего грѣховнаго порыва.

О, если бъ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ,
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже...

Любовь разоблачила лживый паоосъ. Вальсингамъ еще упорствуетъ въ своей отверженности, но демоническій экстазъ его болѣе не соблазняетъ. Пиръ продолжается, но Предсѣдатель остается погруженный въ глубокую задумчивость.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ИВ. ИВ. МИТЮРНИКОВА
Тел 90-12